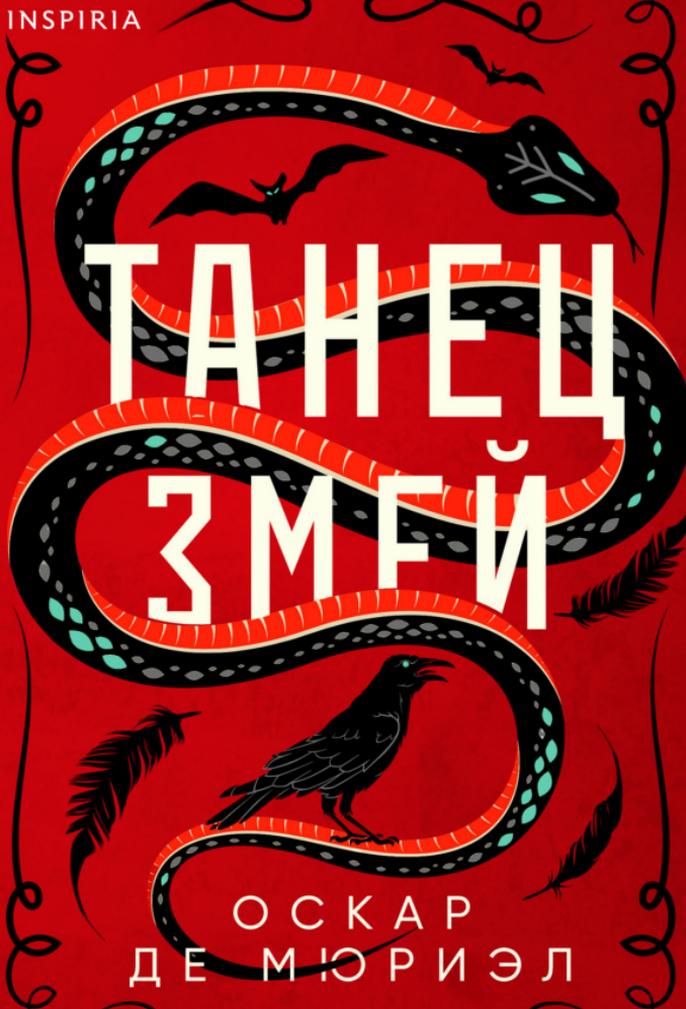

INSPIRIA

ТАНЕЦ ЗМЕЙ

ОСКАР
ДЕ МЮРИЭЛ

INSPIRIA

Оскар де Мюриэл

Танец змей

Серия «Ток. Логика и игра»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68608090

Танец змей: Эксмо; М; 2023

ISBN 978-5-04-177728-9

Аннотация

МИСТИЧЕСКАЯ ЗАГАДКА ДЛЯ ПЫТЛИВЫХ УМОВ.

Начать охоту на самых могущественных ведьм или умереть от рук королевы Англии?

Канун Рождества, 1889 год. В секретном подразделении эдинбургской полиции – Отделе по расследованию нераскрытых дел, предположительно необъяснимого и сверхъестественного характера – бывали плохие дни. Но сегодняшний – однозначно самый худший.

Премьер-министр посреди ночи вызывает скандально известных инспекторов полиции Иэна Фрея и Деятипалого Макгрея и сообщает им: королева Виктория, самый могущественный человек в стране, жаждет их смерти. Ведь они убили дорогих ее сердцу медиумов... Чтобы заслужить помилование, Фрея и Макгрею предстоит отправиться на задание, равносильное смертному приговору. А заодно выяснить, какую тайну скрывают во дворце на самом деле.

Захватывающий викторианский детектив с дуэтом харизматичных и чертовски обаятельных сыщиков.

«Захватывающий викторианский детектив с дуэтом харизматичных и чертовски обаятельных сыщиков». – *Иэн Рэнкин*

«Чрезвычайно занимательная викторианская загадка». – *The New York Times*

«Page-turner, который не даст вам заскучать». – *Independent*

«Делаю официальное заявление: я фанат Фрея и Магкрея!»
— *Кристофер Фаулер*

«Умная, временами пугающая, великолепно написанная история... То, что нужно!» – *Crime Review*

Содержание

Примечание автора	7
1818	8
1889	18
1	33
2	38
3	46
4	62
5	79
6	91
7	97
8	106
9	123
10	137
Конец ознакомительного фрагмента.	145

Оскар де Мюриэл

Танец змей

© Ключарева Д.Э., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. «Издательство
«Эксмо», 2023

* * *

Шестая книга – в память о дорогой тете Хильде

Примечание автора

Несмотря на то, что история эта по большей части представляет собой выдумку, ключевые элементы этого романа – экстраполяция хорошо задокументированных исторических фактов.

Все цитаты из «дневника» приводятся дословно и взяты из реально существующего источника. Личность автора будет раскрыта в ходе повествования.

* * *

*Пустилась в дикий пляс толпа
Теней, кружась в руке рука,
Как бурная река;
Вдруг тучу темноты черней
Пророк увидел среди теней
И черепа оскал.
Тот жуткий танец предвещал,
Что страшной битвы час настал
И смерть уже близка.*

Сэр Вальтер Скотт
Танец смерти

1818

23 августа, без четверти полночь

Девочка цеплялась за длинные юбки старой карги, несмотря на то что старуха наводила на нее не меньший ужас, чем окружающая темнота.

Они стояли посреди лесной дороги, пламя свечи трепетало от холодного бриза. Этот огонек, что скрывала от ветра костлявая рука, был единственным источником света. Его хватало на пару ярдов, а за пределами этого круга весь мир являл собой кромешную черноту.

– Уже скоро, дитя, – сказала старуха, несомненно чувствуя, как дрожит ребенок. – Стой смирно. И не вырони то, что я тебе дала.

Она перевела свои желтоватые глаза в прожилках сосудов на корзинку, висевшую на руке у девочки. Заскулив от страха, дитя еще крепче прижало к себе ношу. Внутри звякнули бутылки.

Девочка смотрела вперед и не сводила глаз с густой тьмы, пока не услышала слабый звук. Ее передернуло.

– Это они? – требовательно спросила старуха, и девочка кивнула. Время пришло.

Звук постепенно становился все громче и четче. Топот копыт. Теперь его слышала даже карга, чей слух изрядно ис-

портился с годами. Ее тонкие губы изогнулись в недоброй улыбке, обнажив ряд щербатых коричневых зубов.

Вдалеке появился свет одинокого факела, и, едва они его завидели, улыбка старухи угасла. Ее лицо приняло самый несчастный вид, и она воздела руки.

– *Стой!* – хрипло взвыла она – сама скорбь. – *Стой! Во имя милости Божьей!*

Перед ними остановился высокий крепкий дилижанс, глянцевого и черного, как сама ночь. Мускулистые лошади, чье дыхание в ночном воздухе собиралось в облачка пара, выглядели изнуренными.

Сухопарый краснолицый возница, изо всех сил натянувший поводья, в замешательстве смотрел на каргу. Он открыл было рот, но не успел произнести ни слова, ибо из экипажа раздался крик мужчины:

– Какого черта?

– Тут леди на дороге, сэр, – ответил возница.

– Что? *Дерьмо! Трогай!*

– *Прошу вас! Во имя милости Божьей!* – настаивала карга и, рухнув на колени, воздела трясущиеся руки. Свеча упала на землю, и огонек погас. – *Помогите. Со мной дитя!*

Стенания старухи разносились по необитаемым лесам, и девочка тряслась всем телом, глаза ее блестели в слабом свете факела экипажа. Она едва не рыдала от страха.

Губы возницы дрогнули.

– Простите, сэр, – сказал он, – думаю, вам стоит самому

взглянуть.

Они услышали кряхтенье и весьма неохотное: «Ну раз уж так надо...»

Возница спустился с козел в тот самый момент, когда внутри дилижанса вспыхнул свет. Дверь открылась, и на землю спрыгнул юноша с небольшой масляной лампой в руке.

Он был невысок, и гладкое пухлое лицо его сообщало, что это аристократ с хорошим достатком. Его одежда – двубортный фрак дорогого зеленого бархата и белоснежная рубашка с галстуком – также говорила о богатстве. Взгляд светло-голубых глаз его был осоловелым – до неожиданной остановки этот человек явно крепко спал.

Он посветил на старуху с девочкой и с брезгливостью их оглядел.

– Это ваша внучка? – потребовал он объяснений.

– Да, сэр.

– Что вы здесь делаете?

– *У нас все скрали, сэр!* – пролепетала карга. – Забрали телегу, забрали вино, моего сына, нашу...

– Погодите, погодите! – сказал джентльмен. – Дуглас, дай им воды.

Возница вернулся к своему сиденью, достал кожаную флягу и передал старухе. Та протянула ее девочке, которая, казалось, удивилась, но после незаметного тычка карги все же сделала пару глотков. Старуха пила долго, кашляя и отфыркиваясь, а затем вылила немного воды себе в ладонь и

обтерла грязное лицо. Потом вернула флягу вознице.

– А теперь, – сказал джентльмен, – расскажите нам, что случилось.

Старуха шумно дышала, прижав руку к груди.

– Мы... мы с сыном ехали в Кентербери. Он работает на виноторговца, и завтра рыночный день. Деточка моя устала, и мы пересели назад, вздремнуть промеж бочек. Мы дрыхли и вдруг услышали крики. Сын остановил телегу, и мы услышали этих лиходеев...

Она передернулась, и девочка, не сдержавшись, всхлипнула.

– Они колотили сына, пока не выбились из сил, – продолжала старуха, притянув к себе напуганное дитя и заключив ее в крепкие объятия. – Мы такого наслушались! Но... – она сглотнула, взволнованно погладив девочку по золотистым волосам, – но ничего не могли сделать. Только схоронились и сидели тихонько.

Ее взгляд метался из стороны в сторону, словно в ней пробуждалось безумие.

– Потом мы услышали, как что-то упало. Видимо, тело сына. Телега поехала... И мы...

Джентльмен нахмурился, и масляная лампа задрожала в его толстых пальцах.

– Вы остались в телеге?

Сморщенное лицо карги приняло еще более горестный вид. Она поднесла руку ко рту и приглушенно сказала:

– *Мы ничего не могли поделать!*

Возница снова протянул ей воду, но старуха уже была не в состоянии принять ее.

– Как вы сбежали? – спросил джентльмен.

Карга набрала в грудь воздуха.

– Тот, кто захватил телегу, остановился, чтобы справить нужду. Где-то тут, неподалеку. Я улучила момент: подхватила деточку мою, прыгнула вниз и схоронилась в кустах. Мы часами там прятались, сэры. Часами.

Лицо джентльмена немного смягчилось. Достаточно, чтобы возница осмелился сказать:

– Простите, сэр, – мы ведь недалеко от гостиницы. Можем их подвезти. Кто-нибудь там уж точно их приютит.

– *Да, да, пожалуйста!* – взмолилась старуха, все еще на коленях. Она протянула руки с намерением ухватить джентльмена за полы одежды.

Тот резко отшагнул назад.

– Хорошо, хорошо! Но вы поедете с Дугласом.

Он развернулся и пошел к дилижансу, а возница помог старухе подняться на ноги.

– Спасибо вам, сэры. *Спасибо!*

Джентльмен уже занес ногу, чтобы забраться внутрь, но тут карга просительно вытянула руку.

– Э-э, сэр?

– Ну что еще? – огрызнулся он.

– Прошу вас, возьмите мою деточку к себе. Она не станет

вам докучать, клянусь.

Джентльмен закричал.

– Прошу вас, – настаивала карга. – Она пережила такое, чего не должен знать ребенок. И поглядите на нее, бедняжка совсем озябла.

Джентльмен не мог толком разглядеть лица девочки – та зарылась им в юбки старухи.

– Мы даже не знаем, как ее отец... – Старуха прикрыла рот и, тихонько всхлипнув, отвела взгляд.

Джентльмен снова крикнул, открыл дверь и показал внутрь.

– Быстро, – коротко приказал он девочке.

Старуха похлопала ее по спине:

– Полежай, Маргарита. Веди себя хорошо с добрым сэром.

Не сердь его.

Девочка колебалась, пока старуха с силой не пихнула ее в спину. В тусклом свете этот жест остался не замеченным ни возницей, ни джентльменом.

Маргарита быстро шагнула к двери, корзинка покачивалась у нее на локте. Она шустро поднялась по лесенке и тут же устроилась внутри на мягком сиденье. Ей прежде не доводилось сидеть на красном бархате; на таком фоне ее выцветшее платье выглядело как засаленная кухонная тряпка.

Джентльмен тоже залез внутрь и вставил масляную лампу в держатель. Они услышали, как старуха с трудом взобралась на переднее сиденье, и вскоре дилижанс тронулся с места.

Вытянувшись в струну, с корзинкой на коленях, Маргарита не сводила больших зеленых глаз с джентльмена.

Ему было немногим больше двадцати, но промеж бровей уже залегла глубокая складка. И руки, и лицо его были гладкими и белыми, а круглые щеки говорили о крепком здоровье – и, возможно, чрезмерной любви к еде.

Однако в присутствии ребенка ему, похоже, было не по себе: он барабанил пальцами, ерзал на сиденье и не знал, куда девать глаза.

На протяжении пары неловких минут он переглядывался с молчаливой девочкой, но дилижанс вдруг подпрыгнул на кочке. Бутылки в корзинке звякнули, и это привлекло внимание джентльмена. Не случись этого, не мчись дилижанс так быстро, не коснись бутылки друг друга, все в мире, возможно, сложилось бы совсем иначе.

– Что у тебя там? – спросил мужчина.

Девочка кашлянула.

– Вино, сэр.

– Вино?

Маргарита опустила глаза – она так разволновалась, что указания старухи перепутались у нее в голове.

– Это... – начала она, чувствуя, как заledenели пальцы. Вся ее жизнь зависела от того, насколько убедительно она произнесет следующие слова. – Это вино, которое папа отложил... чтобы угощать покупателей на рынке. Единственное, что я успела прихватить из телеги.

Джентльмен закатил глаза и притворился, что смотрит в окно, хотя ночь была все так же темна.

Маргарита задрожала. Ее единственный шанс таял на глазах.

– Хотите попробовать, сэр? – выдавила она из себя.

Мужчина презрительно усмехнулся:

– Я не пью дешевое спиртное, девочка.

Снова дрожь. Маргарита достала одну из бутылок.

– Это хорошее вино, сэр. Для дворян. Папин хозяин привозит его из места под названием Франция.

Как и предрекала карга, после этих слов он заинтересовался, но все же недостаточно. Маргарите казалось, что она идет по канату, удерживая равновесие исключительно благодаря везению, но вот-вот свалится в глубокую пропасть, откуда уже не выбраться.

Она протянула бутылку мужчине – расстояние между ними внезапно превратилось в бездну. Она так и слышала визгливые вопли карги: *«Ты всего-то должна была заставить его выпить!»*

– Попробуйте, – пробормотала она, обмирая от ужаса и сжимая бутылку с такой силой, что та вполне могла бы лопнуть у нее в руках. И тут, как по волшебству, она вспомнила слова старухи и произнесла их с идеальным выражением: – Нам больше нечем отблагодарить вас за доброту.

Мужчина уставился на нее. Маргарита решила было, что страх в ее голосе все испортил, но карга хорошо все проду-

мала. Она знала, что девочка будет напугана до смерти; знала, с какой надеждой прозвучат ее слова, что глаза ее наполнятся слезами. Ни одна живая душа хоть с каплей человечности в сердце не откажется от такого предложения.

Джентльмен выхватил у нее бутылку и вынул пробку. Он поднес бутылку к носу и принюхался.

Маргарита безмолвно ждала, следя за каждым движением и переменной в его лице.

Ни улыбки. Ни намек на одобрение.

Девочка заломила руки. Она больше не могла сносить напряжения. Ей хотелось кричать. Ей хотелось...

И тут джентльмен сделал глоток.

Не робкий, но долгий, большой глоток – он поднял бутылку и запрокинул голову. Он глотнул несколько раз, не отнимая бутылку от губ.

Дело сделано.

Маргарита улыбнулась – возбуждение от первой собственной победы мурашками разбежалось по всему телу. Этой ночью порки не будет. Возможно, не будет больше никогда.

Жадно глотая превосходное французское вино, сэра Август предрешил свою печальную судьбу.

ДНЕВНИК – 1822

Смерть Строуана.

Беда с моими глазами.

В декабре года 1822 я отправился из Рамсгита в Шотландское нагорье с целью провести несколько дней с Родственником, к которому испытывал Сыновнюю любовь. По прибытии туда я обнаружил, что он мертв. Я посетил его похороны: людей там было много, и я прикладывал все силы, чтобы не рыдать, но так и не сумел совладать с собою. Вскоре после похорон мне пришлось просить, чтобы письма мои читали мне вслух, а ответы на них писали вместо меня, ибо глаза мои недомогали – так, что вследствие попытки с минуту удерживать взгляд на одном предмете зрение становилось расплывчатым. Я не подозревал, что глаза мои поразил недуг, пока не попытался почитать или подрезать перо. Вскоре после этого я поехал в Ирландию, и без всяких манипуляций с глазами к ним снова вернулась мочь, а к зрению – четкость...

1889

3 декабря

Виндзор, около полуночи

Кэролайн Ардгласс склонилась над книгой по ведовству, испытывая легкое отвращение при виде примитивных рисунков и с трудом разбирая чужой почерк без свечи под рукой.

Глаза зудели от усталости, спина затекла, а кости ныли, потому что на чердаке было сыро и гулял сквозняк, но она не обращала внимания на эти неудобства. Она не на рождественских каникулах. А на охоте.

Она позавидовала сороке, которая, спрятав клюв под крыло, безмятежно спала в своей маленькой медной клетке. Распушив черно-белое оперение, птица, похоже, совсем не страдала от холода. А вот Кэролайн, несмотря на толстое одеяло, накинутое на плечи, не могла похвастаться тем же.

Чердак был омерзительно грязный, там воняло, и шум, доносившийся из соседней таверны, отнюдь не улаждал слух. Однако ей пришлось заплатить кругленькую сумму за это место – каморку под крышей трехэтажного дома-развалюхи.

Она перевела взгляд на узкое окно за изъеденным жучком письменным столом – на вид, который так дорого ей обошелся.

Снаружи мягкие поля были укрыты снегом, серебрившимся в свете полумесяца. Ночь была ясной, а деревья, росшие вдоль Королевских конюшен, – голыми, поэтому Кэролайн открывался прекрасный обзор на восточное крыло замка. Личные покои королевы.

Она видела, как одно за другим загораются окна – вероятно, слуги совершали вечерний обход. Обычно в том мрачном крыле свет зажигали всего в паре комнат, но сегодня все было иначе. Свечи горели как минимум в дюжине окон, сообщая о прибытии королевы Виктории.

Кэролайн взяла маленький, но сильный бинокль, что лежал рядом с книгой, – тот, с помощью которого леди Энн Ардгласс шпионила в опере за своими деловыми конкурентами.

Кэролайн терпеливо осматривала окно за окном. Ей удалось разглядеть лишь рамы и иногда – изгибы тяжелых штор. Ее собственное окно находилось слишком далеко, и различить лица было невозможно, но такой цели у нее и не было. Она навела бинокль на громоздкую башню, расположенную чуть правее, в юго-восточном углу двора, – та носила имя самовлюбленной Виктории.

Если те ведьмы не солгали, то именно *там...*

Деревянные половицы скрипнули. Кэролайн вздрогнула, обернулась и замахнулась было рукой с биноклем, готовая метнуть его в...

– Тише, тише, дитя! – воскликнула Берта. – Это же я!

В темноте стояла ее пухлая низкорослая няня. Различима была лишь половина ее сморщенного лица, а серебряный чайный сервиз, принесенный ею, тускло поблескивал в сиянии луны.

– Господи боже, – выдохнула Кэролайн, прижав ладонь к груди. – Ты меня напугала!

Сорока в клетке захлопала крыльями. Она бросила на Кэролайн взгляд – недовольный, как показалось девушке, – прежде чем снова спрятать голову и углубиться в сон.

– Я подумала, что вы будете не против чаю, дитя мое. – Женщина опустила поднос на стол и захлопнула раскрытую книгу. – Отдохните минуточку. Вы же просто клубок нервов в последнее время.

Берте не требовалось ее согласие. Она принялась разливать чай, а Кэролайн откинулась в кресле. Впрочем, с замка глаз она все равно не сводила.

– Сколько еще нам придется торчать в этом блошином логове? – недовольно поинтересовалась Берта, передавая ей чашку.

Кэролайн пригубила чай и не удостоила ее ответом. Берта слышала его уже не раз.

– Если бы у вас хоть камин горел...

– *Мы не можем разжечь камин, Берта,* – прошипела Кэролайн, развернувшись к женщине, но вмиг пожалела об этой грубости. Берта заботилась о ней, сколько Кэролайн себя помнила. Берта вместе с ней пустилась в эту безумную

гонку, несмотря на то что Кэролайн предложила ей баснословную сумму денег, что позволила бы ей уйти на покой. Никто в этом мире не любил ее так, как эта стареющая служанка. Не считая, конечно, ее покойного отца, но опять-таки именно по его вине они и оказались в Виндзоре и вынуждены были таиться на ветхом чердаке.

Кэролайн с силой втянула воздух.

– Нельзя, чтобы нас заметили, – сказала она уже более сдержанным тоном. – Это место – самая высокая точка на этой богом забытой улице. Даже одна-единственная свеча, горящая здесь всю ночь – каждую ночь, вызовет подозрения.

Берта поняла. Темные лукавые глаза мисс Ардгласс рассказали ей все. Задание было поручено, и девушка не могла – и не решилась бы – отказаться от его выполнения.

И это ведь то же самое дитя, которое Берта когда-то укачивала в собственных руках, та девочка, которая выросла у нее на глазах... Видеть, что она совсем не щадит себя, было мучительно.

– Хотела бы я, чтобы вам не приходилось этим заниматься, – прошептала Берта. Она больше не могла смотреть Кэролайн в глаза. – Хотела бы я, чтобы вы...

Она умолкла – взгляд ее блестящих глаз застыл на чем-то за окном.

– Что там такое? – спросила Кэролайн.

– Смотрите!

На башне Виктории зажегся новый огонек – Кэролайн так

долго рассматривала это здание, что заметила его сразу же. Свет исходил не из окна – похоже, пламя вспыхнуло на самой вершине башни.

Она принялась нащупывать бинокль – Берта тут же подобрала его и вручила ей. При виде увеличенной картинки происходящего Кэролайн ошарашенно распахнула глаза.

На крыше пылал шар огня, языки пламени изгибались и вздымались, словно руки молящегося. И тут, резко вспыхнув, огненный шар окрасился в ярко-зеленый цвет. Сигнал ведьм.

Кэролайн ахнула, выронив бинокль. Даже без него она явно видела изумрудное пламя. Пару секунд женщины заворуженно смотрели в окно – в комнате было слышно только их дыхание, – пока Кэролайн не опомнилась.

– Пора, Берта, – сказала она. – Доставай соро...

Но настороже была не только она. Птица сидела у себя на жердочке и тревожно вертела головой. Внезапно запаниковав, она захлопала крыльями, задевая ими решетку клетки.

Кэролайн взглянула на нее, губы у нее задрожали.

– Что... что ее напугало?

С лестницы донеслись тяжелые шаги – долговязого Джеда невозможно было с кем-либо спутать.

Широкоплечий мужчина, чье обветренное лицо все детство наводило ужас на Кэролайн, ворвался на чердак. Из-за покатога потолка ему пришлось нагнуться, и, утерев пот со лба, он сбивчиво произнес:

– Мисс, за вами погоня!

Прикрыв рот дрожащими ладонями, Берта ахнула.

Кэролайн двумя размашистыми шагами пересекла чердак и прижала ладони к стеклу мансардного окна.

Ее сердце замерло.

К ним приближались два экипажа, которые тянули мускулистые першероны, темные, как сама ночь. Экипажи мчали во весь опор, факелы в руках у возничих полыхали желтым пламенем. Внезапно оно окрасилось в насыщенно-синий.

Кэролайн отскочила назад, будто ее ударило электричеством.

– *Нам надо уходить!* – вскричала она, инстинктивно метнувшись к старому шкафу. Она схватила отцовский саквояж и принялась закидывать в него книги, приспособления и кошельки.

– Скорее, скорее! – бурчал Джед, проверяя, заряжен ли его револьвер. – Помните, что бывает, когда они загоняют свою добычу в угол!

– Брось это! – крикнула Кэролайн, когда Берта подскочила к ней с ворохом одежды. – Только книги и деньги.

С улицы донеслось ржание лошадей, за которым последовали крики из паба.

На Кэролайн нахлынул шквал леденящих кровь мыслей – о людях, с которых содрали кожу, сожгли живьем, которым вырезали языки, влили в глотку яды, вызывавшие такие судороги, что трещал позвоночник...

– Бежим *сейчас же!* – прошипел Джед и схватил Кэролайн за локоть.

Она не стала сопротивляться – он потащил ее к двери со все еще раскрытым саквояжем, в который Берта на ходу закинула бинокль и мешочек с монетами. Женщина на что-то показывала.

– Птица!

Кэролайн метнулась обратно и схватила клетку – сорока верещала и хлопала крыльями, пока они со всех ног бежали к лестнице.

Узкие ступени, едва не лопааясь, громко заскрипели под их весом, и Кэролайн представила, как проваливается сквозь них и падает на землю. Задумавшись, она оступилась, но Джеду удалось вернуть ее на ноги. В этот момент они услышали первый выстрел.

– Господи! – выдохнула Берта.

Они достигли нижнего этажа, но вместо темноты их там ждал тусклый огонек свечи. Держал ее хозяин дома в одной ночной рубашке – его колотило от страха.

– *Что за беду вы навлекли на нас?* – взвыл он. Со взъерошенными седыми волосами и глазами, полными ужаса, он и сам походил на привидение.

Гвалт на улице стал громче, и раздался второй выстрел.

Кэролайн стянула с пальца золотое кольцо и вложила его в ладонь мужчины:

– Это за ваши неудобства.

Они поспешили к черному ходу. Джед пинком распахнул дверь, и лошади всхрапнули от этого грохота.

Ледяной ветер, метавшийся в темном дворе, ударил им в лица, словно чей-то кулак. Три остроконечных зубца – остатки древних замковых стен – отбрасывали тени на небольшой экипаж и двойку лошадей. Джед всегда держал их в упряжи и наготове.

Он подбежал к двери и открыл ее перед Кэролайн. Она забросила внутрь увесистый кожаный саквояж, куда осторожнее поставила птичью клетку, но в этот момент раздалось сразу несколько разных звуков: что-то с глухим ударом приземлилось в снег, Берта заскулила, и – в тот самый миг, когда Кэролайн обернулась, – громко затрещало дерево.

Оказалось, что Берта споткнулась и упала, и, пока Кэролайн с Джедом пытались ее поднять, треск усилился. Крики доносились уже из дома – ведьмы и их головорезы проникли внутрь.

– *Оставьте меня, дитя!* – кричала Берта, которую почти волоком тащили в карету.

– Полноте, – процедила Кэролайн, с большим трудом усаживая пожилую женщину на сиденье.

Крики стали громче, сдавленно голосил домовладелец.

Джед пренебрег хорошими манерами и с силой втолкнул обеих в коляску. Затем захлопнул дверь и запрыгнул на козлы. Он щелкнул хлыстом, экипаж скрипнул, задняя дверь дома открылась – все это произошло в один момент.

– *Время убивать!* – завопил мерзкий женский голос, от чего по телу Кэролайн побежали мурашки. Она выглянула в заднее оконце и увидела полдюжины головорезов, двое из них были с факелами. Они вытащили во двор домовладельца, который отчаянно извивался у них в руках. Следом за ними вышла женщина в иссиня-черном плаще, капюшон которого был расшит золотыми узорами.

Экипаж тронулся с места, и Кэролайн увидела, как трое высоких мужчин бросили хозяина дома наземь. Тот, вопя, рухнул на колени. Женщина в плаще схватила его за волосы, оттянула голову назад и молниеносным движением перерезала ему горло. Кровь залила всю его белую ночную рубашку – в свете факелов брызги легли почти ровным алым полукругом, и Кэролайн не сумела сдержать возглас ужаса.

Она скрючилась на заднем сиденье, экипаж нещадно шатало, пока Джед поворачивал в сторону выезда со двора. Сквозь тронутое инеем окно она мельком увидела, что те мужчины бегут за ними вслед, скребутся и дубасят в дверь коляски. В какой-то момент они оказались так близко, что Кэролайн даже были видны их желтые зубы и искаженные яростью лица.

Экипаж резко повернул, но тут Кэролайн увидела, как головорезы поднимают револьверы. Она тотчас пригнулась, дернула вниз Берту, и в этот самый миг экипаж окатило градом пуль.

Экипаж наконец перестал закладывать повороты, и Кэро-

лайн поняла, что они почти выехали из двора на большой тракт. Она слышала громкие пьяные голоса – коляска проехала мимо паба, – а затем лишь стрекотание колес и топот копыт. Выстрелы все еще были слышны, но уже откуда-то издалека.

Кэролайн сидела пригнувшись еще некоторое время, слушая тяжелое дыхание Берты и чувствуя, как колотится сердце в ее собственной груди. Выстрелы стали реже, и лишь тогда Кэролайн осмелилась выпрямиться.

Сквозь оконце, выходявшее вперед, ей была видна спина Джеда и скачущие галопом лошади. Однако стекло было разбито.

– Господи, да они в Джеда попали! – вскричала Кэролайн. Она отпустила Берту и перескочила на переднее сиденье. Схватившись за ручку окна, она уже хотела опустить его вниз, как вдруг раздался еще один выстрел, и на стекле расплылось огромное красное пятно.

Кэролайн и Берта завизжали, не способные отвести глаз от массивного туловища Джеда, которое повалилось вбок, смазав кровь на окне.

Глаза Кэролайн застили слезы паники, мир вокруг нее превратился в размытую круговерть. Она видела, что лошади мчатся во весь опор, зигзагом преодолевая дорогу, – видела изъеденное молью пальто Джеда, на котором проступили кроваво-красные пятна, – видела его лицо, мотавшееся из стороны в сторону, – глаза его были распахнуты, – слышала

неразборчивое бормотание Берты...

И вслед им неслись выстрелы.

Экипаж подскочил, налетев на выбоину, отчего Кэролайн подлетела вверх. Она врезалась головой в потолок, и этот удар привел ее в чувство.

Помощи ждать неоткуда. Никто не придет и не спасет их. Ей придется действовать самой.

Кэролайн опустила вниз стекло, измазавшись в теплой крови Джеда. Она попыталась выбраться на козлы, но тело Джеда перегораживало ей путь – никакой возможности вылезти не было.

Сильный попутный ветер доносил до нее крики приспешников ведьм. Она заметила, что лошади сбились с шага и ход экипажа замедлился. Сейчас было не до брезгливости.

Толчками, кряхтя и сопя, она сдвинула тело Джеда со своего пути. Перепачкав в крови руки, платье и лицо, вся дрожа, она все-таки сумела протиснуться мимо убитого.

Последний рывок – и она вывалилась вперед, лицом и руками ударившись о подножку козел. Неуклюже развернувшись, Кэролайн нащупала вожжи, стиснула их в руках и полезла к сиденью возницы.

Поперек того лежало тело Джеда. Пыхтя от натуги, Кэролайн потянула покойника за плечи, пытаясь привести его в вертикальное положение. Мутные глаза Джеда оказались в каком-то дюйме от ее собственных, и Кэролайн испытала одновременно горечь и отвращение.

Тут грянул еще один выстрел – так близко, что в ушах у Кэролайн зазвенело. Она вытянула шею – рядом с экипажем уже показалась голова лошади ее преследователя.

Она взвизгнула, увидев свирепое лицо мужчины, целившего револьвером прямо ей в лоб.

Не задумавшись и не усомнившись ни на секунду, Кэролайн издала животный рев и изо всех сил толкнула тело Джеда вниз, в сторону нагонявшего ее наездника.

Зрелище было жуткое: истекающее кровью тело Джеда рухнуло на голову реза, сбив тому прицел, а затем упало прямо под ноги першерона. Животное споткнулось и кувыркнулось через труп; Кэролайн услышала, как ломаются кости, а затем лошадь завалилась набок, и все они пропали из вида.

– *Простите-простите*, – все стонала и стонала она. Кэролайн села на козлы и наконец-то как следует взялась за вожжи. Она направила лошадей обратно на середину дороги, безжалостно нахлестывая их, – сзади все время неслись выстрелы.

Она пригнулась. Только на это ее и хватило – она не осмеливалась даже обернуться. Все ее внимание, все ее органы чувств были сосредоточены на лошадях и на дороге.

В какой-то момент, вероятно с сильным опозданием, Кэролайн поняла, что стрельба прекратилась. Однако сердце ее колотилось как никогда в жизни. Она сбавила скорость, лишь когда изнуренные лошади начали спотыкаться друг о друга, и после этого еще несколько миль гнала их трусцой.

Они проехали сквозь густой Виндзорский лес, где ветви деревьев, словно грозные клешни, нависали над дорогой. Затем лес уступил место широкому белоснежному лугу.

Тут Кэролайн и натянула поводья, выбрав для остановки открытую местность, где приближение врагов не осталось бы незамеченным. Она спрыгнула с козел, чуть не разбив колени, и сделала несколько неверных шагов к обочине дороги. Там она согнулась пополам и извергла мощную струю рвоты.

Она кашляла и давилась еще пару минут – слышно было лишь тяжелое дыхание лошадей – и только после этого почувствовала, что морозный воздух проник под ее тонкую одежду. Она даже не успела накинуть пальто.

И все же она была рада, что жива.

Кэролайн сделала несколько глубоких вдохов, выпрямилась и осмотрелась. *Решай проблемы по очереди*, сказала она себе, – теперь это было ее кредо в моменты, когда она чувствовала, что не справляется. Им нужно найти убежище – вот чем ей следует озаботиться в первую очередь.

Она подошла к лошадям и погладила их по головам. Та, что покрупнее, великолепная вороная лошадь картезианской породы, била копытами.

– Тише, тише, – сказала Кэролайн, прижавшись лбом к шее животного. – Я тоже устала, но нам нужно двигаться дальше.

Она собралась было влезть на козлы, но тут услышала, как стонет знакомый голос.

– Берта... – пробормотала она и бросилась к двери экипажа. Вся коляска была изрешечена пулями.

Кэролайн распахнула дверь и заскочила внутрь. Она обнаружила, что Берта все еще сидит – очень прямо, – но голова ее слегка поникла. Увидев ее, можно было бы подумать, что она мирно дремлет, не будь ее руки крепко прижаты к животу. Не будь они залиты кровью.

– *Берта!* – вскричала Кэролайн и заключила старушку в объятия.

Она попыталась отнять руки той от живота и осмотреть рану, но Берта крепко стиснула ладони. Даже в сумраке Кэролайн различала темное пятно, расплывавшееся по юбкам женщины.

– Почему ты не закричала? – всхлипнула Кэролайн, из глаз ее неудержимо катились слезы. Как же давно Берта, должно быть, истекала кровью! Однако старушка нашла в себе силы поднять лицо и улыбнуться, невзирая на боль. – Я бы остановилась!

– Я была обречена с самого начала... – еле слышно прошептала Берта.

Кэролайн рыдала как дитя; ярость, вина и отчаяние душили ее, как невидимые клещи. Как же глупо с ее стороны было успокаивать лошадей, прежде чем проверить, как дела у ее любимой няни.

– Мы найдем доктора, – сказала она. – Мы найдем доктора, а потом...

Берта покачала головой, умоляюще глядя на Кэролайн:

– Я хочу, чтобы вы были рядом со мною, дитя. Не где-то там – когда... когда это случится.

Кэролайн бережно заключила лицо Берты в ладони. Она даже не могла предложить ей воды.

– *Мне так жаль!* – тонко всхлипнула Кэролайн. – Зря я взяла тебя с...

Она болезненно сглотнула и больше не смогла произнести ни слова.

– Я была там, где во мне нуждались, – пробормотала Берта – голос ее становился все тише. Она печально вздохнула, лицо ее внезапно расслабилось. Должно быть, тело ее начало неметь.

– Я должна многое рассказать вам, дитя мое, – сказала она, опустив голову на плечо Кэролайн, будто снова стала юной девушкой. – Но времени так мало...

13 декабря

Эдинбург

Небо переливалось серым и белым, вечерний ветер медленно волок тяжелые тучи на восток.

Странное было зрелище: последние лучи солнечного света, пробив дыру в густых облаках, которой я из своего окна не видел, отражались от зданий через дорогу. Фасады тех – гладкие плиты шотландского гранита – отливали золотом, являя собой яркое пятно между тьмой внизу и серостью сверху.

На крыше георгианского особняка напротив моего дома, чуть ли не с вызовом глядя мне в лицо, восседал довольно крупный ворон.

Черная птица провела там не один день: она сидела там утром, когда я выходил из дома, она сидела там вечером, когда я возвращался, и ночью, когда зажигали фонари, она все так же сидела на месте. Я не мог отделаться от мысли, что проклятое создание следит за каждым моим движением.

– Чаю, господин Фрей?

То был не вопрос, ибо Лейтон, мой весьма чопорный камердинер, уже протягивал мне чашку с блюдцем, которые я рассеянно принял из его рук.

– Что делал дядя, когда хотел прогнать птиц? – спросил

я у него и с наслаждением втянул аромат моего любимого «Дарджилинга».

Лейтон сдвинул брови и повел своим тонким орлиным носом, будто вынюхивая воспоминания.

– Стрелял по ним, сэр.

Я ухмыльнулся, представив, как покойный дядя Морис палит из ружья всякий раз, когда какой-нибудь голубь отважится опорожнить клоаку на мраморные барельефы его поместья.

– Это гадкое создание до сих пор там? – осведомился Лейтон, выглянув в окно.

– Да, поэтому пристрелить ее не получится. Не хочу повредить бюст Паллады.

Лейтон наградил меня озадаченным взглядом, но уже через секунду вернулся к решению практических вопросов.

– Я могу поговорить с семейством Макки завтра утром, сэр. Возможно, у них получится спугнуть...

– Нет, – отрезал я. – Они решат, что я ненормальный.

Они и так уже в этом уверены, думал я, попивая чай. Как и большинство жителей Эдинбурга.

Защитник гадалок-убийц, любитель поколдовать перед виселицей, лакей самого вздорного и скандально известного инспектора сыскной полиции Шотландии. Вот какая у меня нынче была репутация. И мне не оставалось ничего иного, кроме как торчать в этом сером городе, наблюдая за тем, как наступает зима, и никого из моего начальства в Отделе кри-

минальных расследований не заботило, появляюсь ли я вообще на работе. Даже Девятипалый Макгрей на протяжении последних трех недель пребывал в апатии, вымотавшись за время работы над делом мадам Катерины, его знакомой цыганки-провидицы.

Мы оба жили с чувством, что волею невидимого духа закованы в невидимые кандалы и не можем покинуть Эдинбург.

Некое утешение я находил в своем маленьком кабинете, где стояли удобные кожаные кресла, камин источал тепло, а вокруг было все то, что олицетворяло для меня уют: книги, виски, одеяла, табак и Лейтон, который приносил подносы с едой раньше, чем я сам осознавал, что голоден. Там я мог игнорировать соседей, газеты и нескончаемый поток писем от моих лондонских родственников. Я просто обожал коротать вечера, предаваясь неге в этой уютной комнатке.

Жаль, что я не провел больше времени, наслаждаясь теми прелестями цивилизованной жизни, ибо ад разверзся еще до того, как я успел допить ту самую чашку чая.

Я еще смаковал свой напиток, когда с обоих концов улицы послышались бешеное ржание и грохот копыт. Я сначала решил, что это всего лишь эхо, но ошибся. В поле зрения возник не один, а два экипажа – по одному с каждой стороны дороги, – и они с безумной скоростью неслись навстречу друг другу. Стоило мне подумать, что они вот-вот столкнутся, как возницы натянули вожжи, останавливая своих вну-

шительного вида коней, и обе коляски замерли точно у моего крыльца.

Из каждого экипажа выскочило по двое широкоплечих громил. Они устремились вперед и забарабанили в дверь.

Я немедленно отставил чашку на ближайший столик, но не рассчитал с жестом, и посуда полетела на пол. Я направился вниз, на ходу застегивая домашний костюм. Лейтон передвигался со скоростью ветра, и когда я только спустился в холл, он уже был возле входной двери. Хотел бы я остановить его, но, увы, опоздал. Стоило ему повернуть ключ в замке, как громилы рывком распахнули дверь, с мясом выдрав цепочку из стены.

Лейтон оступился и едва не опрокинулся навзничь, когда здоровяки ворвались внутрь. Все они были одеты в дорогие костюмы и куртки, у одного в зубах торчал огрызок сигары – судя по запаху, весьма приличной кубинской. Однако лица у них были суровые и расчетливые. И от них несло потом.

– Иэн Фрей? – спросил тот, что вошел первым. Акцент у него был южный – английский.

– *Инспектор* Иэн Фрей, – поправил я.

Все четверо недобро ухмыльнулись.

– Вы едете с нами... инспектор.

Я вздернул нос.

– И кто вы, черт возьми, такие?

Четверка гоготнула, здоровяк с сигарой вынул ее изо рта – лишь для того, чтобы сплюнуть на ковер моей домовладе-

лицы.

– *Друзья*, – ответил он еще более недобрым тоном.

Слово повисло в воздухе, будто зловоние, и я понял, что сопротивляться нет смысла. Я прекрасно знал, что происходит. Меня наконец-то призвали – я с опасением ждал этого последние несколько месяцев. Стоило бы радоваться, что все затянулось и мне досталась пара недель отдыха.

– Могу я хотя бы переодеться? – спросил я, и Лейтон немедля бросился в гардеробную.

– Нет, – ответил главарь – его черные усы были по-идиотски подкручены на концах.

Я набрал в грудь воздух и шагнул вперед. В этот самый момент Лейтон набросил мне на плечи тяжелое пальто. В душе я поблагодарил его, ибо ветер снаружи был просто ледяным.

Громилы встали по бокам от меня, словно я был узником, приговоренным к тюрьме, и повели к коляске слева. Из окон соседних домов выглядывали любопытствующие лица – я в очередной раз оправдал свою наспех обретенную дурную репутацию.

Первым в коляску забрался главарь – чтобы преградить мне путь, если я решу выскочить с другой стороны. Затем в экипаж втокнули меня, и уже за мной внутрь влез еще один громила. Как только он захлопнул дверцу, мы поехали.

Ворон издевательски каркнул нам вслед.

2

Свернув за угол, экипажи разделились. Мой совершил несколько резких поворотов, по большей части лишенных логики, явно в попытке избавиться от возможных преследователей. Через некоторое время, когда на город повалил мокрый снег, я понял, что мы движемся на юго-восток.

Мы ехали по мрачным узким улочкам Старого города, на некоторых из них я прежде не бывал. Колеса экипажа гремели на булыжных мостовых, лужи под ними взрывались брызгами, а мир вокруг становился все темнее. В окнах возвышавшихся с обеих сторон жилых домов уже горел свет, янтарными отблесками отражаясь от влажных, изъеденных временем стен.

Час был не поздний, но из-за ветреной погоды и раннего заката на улицах было довольно пустынно – но все же не настолько, чтобы наш экипаж выглядел чем-то из ряда вон. Эти люди точно подгадали время для выполнения своего задания.

Мы объехали средневекового вида квартал с доходными домами, и я увидел, как перед нами вырастают массивные темные очертания Солсберийских скал – весьма кстати с учетом того, с кем мне вскоре предстояло встретиться. Мы свернули налево, продолжая двигаться на восток, и через пару секунд стало понятно, куда лежит наш путь.

На горизонте показались остроконечные, словно нацеленные в небо пики, башни Холирудского дворца. Видны они были лишь потому, что окна в них светились, и я был вынужден прищуриться, чтобы различить кованую ограду, границы пустынного двора и помпезного вида каменный фонтан с головами львов, которые обычно извергали воду, но ныне пребывали в спячке.

Мы заехали во двор сквозь южные ворота, миновав привычный въезд со стороны шумной Хай-стрит. Я думал, что экипаж свернет направо, к самому дворцу, но вместо этого он повез меня влево, к чуть более скромному арочному проезду, чем тот, что вел в главное здание. За невысокой зубчатой стеной открылся длинный двор, окруженный королевскими конюшнями.

Экипаж остановился у открытых ворот в северо-восточном углу. Свет исходил только оттуда.

Я вышел из коляски прежде, чем те типы успели выпихнуть меня наружу, – под ногами была жуткая слякоть, и воняло навозом. Даже в королевских конюшнях не могли справиться с этим амбре.

– Туда, – приказал усач, хотя я и так уже направился к единственному открытым воротам. Я торопливо зашагал к ним – мокрый снег попадал мне за шиворот – и обнаружил, что пол в конюшне густо устлан свежим сеном. Едва я ступил за порог, как подъехал еще один экипаж, и мирными исходившие из него звуки назвать было никак нельзя.

Лошади при нем были взбудоражены, били копытами по каменным плитам, сопели так, что воздух вырывался из их ноздрей струями пара, а кучер отчаянно натягивал вожжи.

Экипаж дергался из стороны в сторону, будто в нем метался дикий зверь, внутри стояли крики и грохот.

– О-о, – быстро оценил я ситуацию. – Так вы и Девятипалого привезли.

Кто-то пинком распахнул дверь коляски, и почти в тот же миг оттуда вылетел человек – он приземлился на четвереньки прямо в жижу.

Второму удалось поставить ногу наземь – он изо всех сил старался выбраться наружу, но длинная конечность в узнаваемой тартановой брючине пнула его прямо в живот. Бедняга повалился назад, прямо на своего коллегу, который только начал было подниматься на ноги.

Те двое, что привезли меня, бросились им на подмогу, а многочисленные лошади вокруг беспокойно заржали. Когда «мои» громилы присоединились к драке, я едва было не поддался соблазну тихо отступить во тьму и затеряться в ночи, но тут, преградив мой путь к отходу, подъехали третий и четвертый экипажи.

Я обреченно вздохнул, скрестил руки на груди и принялся наблюдать за развернувшейся сценой.

Еще четыре типа выскочили из колясок и ринулись к экипажу, который ходил ходуном. Двое распахнули дверцу с обратной стороны, еще двое – ту, на которую мне открывал-

ся вид. Коляска отчаянно шаталась, до меня доносились звуки тумачков, скрежет колес и осей, хриплые крики мужчин и сдавленный голос Девятипалого – детектива Адольфуса Макгрея:

– Ох... вы... *Паскуды!*

Наконец, из коляски вылезли двое – каждый держал по дергающейся ноге в клетчатой брючине, вслед за которыми показался и клетчатый жилет Макгрея (который, разумеется, не сочетался со штанами). Он бился, как свирепый лосось в неводе, покуда еще трое силились удержать его туловище. Несмотря на то что руки у него были связаны, Макгрей все равно умудрялся раздавать тычки направо и налево. Одному из громил досталось по носу, из которого брызнул фонтан крови.

– Руки надо связывать за спиной, – невозмутимо отметил я со своим английским прононсом. – А не спереди. Какие же вы идиоты.

Усатый главарь – буду звать его *Шефом*, поскольку имени его я так и не узнал, – выверенным шагом приблизился к Девятипалому, расчехлил свой револьвер и направил дуло прямо ему в лоб.

– Баста, *дружок*. Мне дали добро стрелять на поражение, если потребуется.

Девятипалому понадобилась пара секунд, чтобы успокоиться, ибо ярость его была куда сильнее страха перед дулом в паре дюймов от лица. По-прежнему вырываясь и фыркая, он

все же дал громилам поставить его на землю и подвести ко мне. Он почти на голову возвышался над ними и был вдвое шире в плечах. Я заметил, что на нем не было любимого изъеденного молью пальто, и мне сразу представилось, как эти мужчины вламываются к нему в дом и выволакивают его из захламленной библиотеки. Темные волосы облепили его лицо, с них стекал талый снег и пот, а неухоженная щетина была перепачкана грязью и кровью – чужой, надо отметить, не его.

Пока громилы переводили дух, Макгрей вскинул руки и быстрым точным движением сломал нос стоявшему справа от него (эх, если бы мне платили по шиллингу за каждую кость, сломанную им у меня на глазах за то недолгое время, что я работал на шотландскую полицию...).

Мужчина опрокинулся навзничь и взвыл, но его тут же сменил коллега.

– Только *попробуй* это повторить... – взревел Шеф, уткнув дуло револьвера Макгрею в висок.

Нас провели в конюшню, которую подсвечивала одна лишь висячая лампа. Внутри было два ряда стойл, в которых беспокойно фыркали и топтались лошади. Двое типов с окровавленными носами неловко засуетились и пнули в нашу сторону пару грязных деревянных ящиков.

– Садитесь, *сэры*, – сказал Шеф, и его люди немедленно пихнули нас вниз.

Макгрей сплюнул кровь на сено, вытер рот путами и бро-

сил на меня крайне осуждающий взгляд:

– Глянь-ка на него, какой весь чистенький и свежий! Ты, видимо, предложил им чаю с печеньем и массаж ступней.

Подул сквозняк, и я поднял меховой воротник пальто.

– Не успел, – ответил я ему и повернулся к Шефу: – Чем мы можем вам помочь, джентльмены?

– Можешь пасть свою заткнуть, – огрызнулся он и подал знак одному из окровавленных, который заковылял прочь со всей спешкой, на какую был способен.

Мы ждали в тишине, которую изредка нарушало только ржание или фыркание лошадей, пока снаружи не раздался грубый мужской голос.

Миг спустя в конюшню вошла знакомая фигура – пухлая и невысокая, закутанная в черный плащ и сопровождаемая молоденьким помощником, который с трудом удерживал пачку бумаг, одновременно неся черный зонт над головой своего господина.

Я примерно представлял, зачем нас сюда привезли, но все равно испытал потрясение, когда из темноты показалось его лицо.

Лорд Солсбери. Премьер-министр.

Он выглядел именно так, каким я его и запомнил, – с жесткой окладистой бородой, лысой макушкой и едва различимыми, почти отсутствующими бровями. Мешки у него под глазами стали еще больше, но смотрел он все тем же пронзительным взглядом, каким чуть больше года назад в

Лондоне сверлил меня в упор – теперь все это было словно давний сон из прошлой жизни.

Раскуривая короткую сигару, он посмотрел на нас с тенью удовлетворения. Через секунду его раскатистый голос заполнил помещение:

– Вы для меня сиденье найдете, полудурки ленивые?

Один из его людей тотчас вынес из темноты резное кресло.

Премьер-министр с кряхтением сел, протянул трость своему тщедушному юному помощнику и не мигая уставился на нас. Прошло несколько секунд, и я уже собрался было поприветствовать его, но Макгрей меня опередил:

– Ты говорить-то будешь или просто притащил нас сюда, чтобы мы полюбовались на мошонку, которая у тебя вместо лица? Ты кто вообще такой, черт тебя дери?

Я тяжело вздохнул и потер бровь.

– Пожалуй, мне следует вас представить. Сэр, это Адольфус Макгрей. Макгрей, это Роберт Гаскойн-Сесил, третий маркиз Солсбери – и премьер-министр Великобритании.

Лорд Солсбери оскалился в подобии улыбки, не выпуская изо рта сигару.

На лице у Макгрея отразился конфуз – но лишь на секунду, после чего он шепнул мне:

– Ну правда же на мошонку похож.

– Макгрей!

– *Ну похож ведь!*

– Ох, замолчите уже, – рявкнул премьер-министр, и Шеф, будто услышав приказ, отвесил Макгрею подзатыльник. – Вы и так, вероятно, догадываетесь, зачем мы все здесь собрались.

Разумеется, мы догадывались.

Несмотря на то что Макгрей давно боролся за создание своего абсурдного подразделения полиции – *Отдела по расследованию нераскрытых дел, предположительно необъяснимого и сверхъестественного характера*, организовано оно было исключительно в качестве сподручной дымовой завесы ради того, чтобы премьер-министр мог расследовать одно весьма щекотливое дело в Шотландии, не привлекая внимания широкой общественности. Утверждалось, что лорд Солсбери не распускал наше подразделение (в коем состояли лишь Макгрей да я, застрявший в Эдинбурге) на тот «особый» случай, если ему снова понадобится подобное прикрытие. Но мы с Десятипалым знали правду – что этот человек с самого начала замыслил решить вполне конкретную проблему.

Макгрей, явно подумав о том же, усмехнулся:

– Что, опять ведьмы жизни не дают?

– И не только они, – сказал премьер-министр, сплюнув окурочек, который тут же потух в сырой соломе. Он разжег еще одну сигару, сделал пару затяжек, а затем нанес нам решающий удар: – Ее величество королева жаждет уничтожить вас. Обоих.

3

Мне и прежде доводилось получать скандальные, ужасные, трагические и немыслимые известия. Однако это задело нерв, о существовании которого я даже не подозревал. Я услышал эти слова, я понял их значение, но у меня все равно осталось ощущение, что их произнесли на каком-то чужом языке. Так же обстояло дело и с Девятипалым, и некоторое время мы с ним сидели с ошарашенным видом и отвисшими челюстями.

Когда мы снова обрели дар речи, слова «*Вот дерьмо!*» и «*Вы, должно быть, шутите!*» одновременно вылетели из наших ртов.

Макгрей откинулся, спрятав лицо в ладонях, а у меня в груди начал расплзаться могильный холод.

– Ланкаширское дело... – пробормотал я. – Королева явно...

– Ее Величество, – перебил меня лорд Солсбери, – хочет... *пообщаться* с покойным принцем-консортом и двумя своими умершими детьми. Она утверждает, что занимается этим каждый рождественский сочельник с тех самых пор, как преставился ее муж. Она прибегала к помощи ведьм, и вы, как выяснилось, убили именно тех двух, которым она доверяла больше всего.

Я кивнул в сторону Макгрея:

– Это *он*. Он их убил. За считанные минуты с обеими расправился.

Девятипалый замахнулся на меня, и я едва увернулся.

– Чего-о? Да если бы не я, ты бы *сдох* там, неблагодарный нюня!

– Спорить, как престарелая супружеская пара, будете потом, – загремел лорд Солсбери, отчего притихли даже лошади. – Сначала расскажите мне, что именно случилось в Ланкашире. – Он вытянул руку, и напуганный помощник передал ему толстую папку. – Моим людям удалось установить основные факты, но я хочу знать все подробности. Ничего не утаивайте.

Макгрей усмехнулся:

– Этого денди о подробностях не спрашивайте. Он вам расскажет, сколько треклятых сконов каждый день съедал на завтрак.

Лорд Солсбери пригвоздил его взглядом, источавшим чистую, беспримесную ярость, левый глаз его подергивался.

– Началось все в прошлый Новый год, – торопливо заговорил я. – Нас вызвали в местную лечебницу для душевнобольных, где одна из медсестер билась в агонии.

– В агонии? – переспросил премьер-министр.

– Именно. Ее отравил тот самый пациент, за которым она ухаживала. К нашему великому потрясению, тот пациент...

Макгрей так оглушительно закашлялся, что я испугался, не стошнит ли его. Я вспомнил самые мрачные подробности

того дела – некоторые из них могли скомпрометировать его знакомых. Я решил ограничиться лишь основными моментами.

– К нашему великому потрясению, – продолжил я свой рассказ, – того пациента в буквальном смысле свела с ума эта шайка так называемых ведьм. Медсестра, которая умерла у нас на глазах, – фамилия ее была Лессок – сама оказалась ведьмой и понемногу добавляла одурманивающие средства в его рацион, чтобы к нему не вернулся рассудок. Ей помогала еще одна девушка – *начинающая* ведьма, если угодно, – по фамилии Дубик. Мы шли по следу пациента...

– Как звали того пациента? – спросил лорд Солсбери, а его помощник уже занес перо, чтобы записать имя.

Я почувствовал, как по виску сбегает капля пота, в голове гулко застучало имя *Джоэл Ардгласс* – он был связан и с близкими, и с врагами Макгрея... В деле была замешана его дочь Кэролайн... Я не мог солгать. Я не мог...

– Мы так и не прочухали, – встрял Макгрей.

– Вы не что? – резко переспросил премьер-министр.

– Ох, простите. Мы так и не *узнали*. Он был из влиятельного семейства высокородных говнюков, которые женились на собственных сестрах. Вроде вас типчик. Родственники тайне упекли его в лечебницу.

Все это было правдой – за которой последовала ложь.

– Даже глава лечебницы не знал его настоящего имени.

– Его прозвали лорд Болван, – торопливо вставил я, ибо

бровь премьер-министра изумленно поползла вверх. – Как я уже говорил, мы выследили его и шли за ним по пятам до самого Ланкастера.

– Где обнаружили шайку ведьм, – сказал лорд Солсбери, листая документы в папке. – И хранилище, полное – как бы это назвать?

– Колдовских причиндалов, – нимало не устыдившись, подсказал Макгрей. – Ингредиенты для зелий, яды, снадобья, амулеты – вот это все.

– Через пару недель из хранилища все исчезло, – добавил я, и премьер-министр уставился в папку, поджав губы.

– Я знаю, – сказал он. – Его опустошили с моего ведома.

– *Чего-о?!* – вскричал Макгрей – вопль его прозвучал резко, как щелчок хлыста. Премьер-министр и ухом не повел.

– Продолжайте, – приказал он мне.

Я кашлянул.

– Лорд Болван убил мужчину, заключенного в Ланкастерском замке¹, который прежде служил – мы можем как-то иначе их называть, кроме как?.. – Я поймал на себе нетерпеливые взгляды Девятипалого и премьер-министра и лишь закатил глаза в ответ. – Ладно. Уцелевшие *ведьмы* сбежали на юг Ланкашира, к горе Пендл-хилл, где находилось их главное логово. У нас произошло... столкновение. Лорд... – я чуть было не сказал «*Ардгласс*», – лорд Болван погиб, тогда же

¹ Замок в городе Ланкастер, основанный предположительно в XI веке и с конца XII века и до начала XXI периодически использовавшийся в качестве тюрьмы.

инспектор Макгрей убил и двух верховных ведьм – полагаю, что речь идет именно о них, – чтобы мы сумели сбежать.

– Вам кто-нибудь помогал? – спросил премьер-министр.

Я ощутил укол в груди – на ум снова пришло имя Кэрролайн Ардглас. И снова я решил не вдаваться в подробности.

– Нам помогали две другие ведьмы. Не кто иная, как мисс Дубик, которая хотела выйти из шайки, и старуха, язык которой отрезали собственные товарки – такие в их рядах бытуют наказания. О ней мы знаем только то, что она отзывалась на имя Белена.

Лорд Солсбери нахмурился сильнее прежнего.

– И все это происходило в Ланкашире?

– А почему, по-вашему, это дело зовется *Ланкаширским*? – съехидничал Макгрей, но премьер-министр удостоил его лишь презрительной ухмылки.

– Насколько я понимаю, *вас*, инспектор, связывает с этим делом нечто личное. – И этих слов было достаточно, чтобы Макгрей занервничал. – Ваш дом и область юрисдикции располагаются довольно далеко от Ланкашира, и все же вы проделали туда долгий путь в погоне за этим человеком и теми ведьмами. – Премьер-министр с невозмутимым видом перевернул страницу. – Вижу, что ваша сестра также содержится в Эдинбургской лечебнице для душевнобольных.

Макгрей выпрямился. Он походил на гончую, которую дразнили палкой. Именно из-за сестры он так ратовал за создание нашего подразделения, и ее трагедия все еще была

для него больной темой.

Лорд Солсбери достал длинный документ, который я сразу же опознал, – протокол допроса. Видимо, одного из тех, что проводились после смерти родителей Макгрея.

– Согласно этим показаниям ваша младшая сестра по имени Эми и прозвищу Фиалка потеряла рассудок шесть лет назад, когда, по ее словам, была *одержима* Сатаной и убила своих – *ваших* – отца и мать. Здесь сказано: *мать была убита кочергой, отец – зарезан кухонным секачом ...* – Макгрея заметно передернуло – в равной мере от злости и отвращения. – Здесь также говорится, что *это* – ее рук дело.

Он бросил взгляд на правую кисть Макгрея, все еще связанную с левой. Обрубок безымянного пальца – увечье, от которого пошло его пресловутое прозвище, – не заметить было невозможно.

– Более того, – заметно оживившись, продолжал премьер-министр, – мои люди сообщают, что с момента событий в Ланкашире ее состояние неизменно ухудшалось, и нам достоверно известно, что через несколько месяцев ее перевели в другое учреждение.

Макгрей стиснул зубы так, что показались их кончики. Вид у него из-за этого стал куда более пугающий, чем в моменты нескрываемой ярости.

– Она что-то увидела? – спросил премьер-министр. – Или слышала?

Макгрей выглядел до того рассерженным, что я ответил

вместо него:

– Верно, милорд. Комната сестры инспектора Магрея находилась по соседству с той, где была убита медсестра. Должно быть, она слышала все.

– *Должно быть?* Вы не уверены? Ее что, не допросили?

Я ответил, сдерживаясь как мог:

– За последние шесть лет мисс Макгрей не произнесла ни слова, милорд.

Это опять-таки можно было счесть ложью. В один из тех жутких моментов Фиалка – так ее прозвали из-за длинных темных ресниц, благодаря которым глаза ее напоминали те самые цветы, – написала на бумаге имя предводительницы ведьм. По иронии та тоже звалась в честь цветка – *мисс Маргарита*.

Но с тех пор Фиалка ничего больше не говорила и не писала. Упоминание этого незначительного факта могло привлечь к ней внимание премьер-министра и его костоломов, которые не задумываясь прибегнут к пыткам, если сочтут, что смогут выбить из нее хоть какие-то сведения. Я похолодел, представив себе бедную девушку, забившуюся в темный угол комнаты, и нападающих на нее громил.

– Даже если бы мы допросили девушку, – добавил я, – эти показания – с учетом ее недуга – вряд ли можно было бы счесть надежными.

Краем глаза я заметил, что на лице Макгрея отразилась безмерная благодарность. Премьер-министр, впрочем, этим

объяснением не удовлетворился.

– И где сейчас эта мисс Макгрей? – спросил он.

– Не ваше сраное дело! – огрызнулся Макгрей, и тут премьер-министр взорвался:

– *Отвечай*, злобная девятипалая скотина! Я пытаюсь жизни вам спасти. Вам обоим!

Макгрей, однако, хранил молчание, и я воспользовался моментом, чтобы сменить тему. Я задрал нос и со всей возможной подозрительностью в голосе осведомился:

– Так чего же вы от нас хотите, сэр?

Лорд Солсбери так резко повернулся ко мне, что чуть не сломал шею:

– Что?

– Вы только что сказали, что королева Виктория жаждет нашей смерти.

Лорд Солсбери настороженно прищурился.

– Верно. И я прекрасно знаю ее величество. Она капризная, мстительная, обидчивая и злопамятная старуха. А вы двое вмешались в одно из самых личных, самых дорогих ее сердцу дел. Она не успокоится, пока не добьется того... что считает справедливым возмездием.

– И все же, – пробормотал я, – вы явились сюда и предостерегли нас. Разве вам не отдали приказ найти нас и решить этот вопрос раз и навсегда?

Солсбери прищурился с подозрением.

– Отдали.

– Стало быть, вы *уклоняетесь* от исполнения непосредственного приказа ее величества. Простите за прямоту, сэр, но я сомневаюсь, что вы делаете это исключительно по доброте душевной. Ни один мудрый политик не согласится оказать такую огромную услугу, не испросив за это внушительной мзды.

Его борода, казалось, встала дыбом, а лысина от возмущения зарделась.

– Каким образом вы пришли к выводу, что я помешаю ей избавиться от вас?

Мы с вызовом смотрели друг на друга – безмолвная дуэль двух несгибаемых характеров. Еще год назад я бы распростерся перед этим человеком, готовый безо всяких возражений подчиняться его приказам. Как же все изменилось.

– Чего вы хотите? – повторил я.

Лорд Солсбери раздраженно поворошил бороду.

– Маргарита и Осмунда... – назвал он двух верховных ведьм шайки, выказав неожиданную осведомленность. – Вы уничтожили маток, но трутней оставили в живых. Они лишились предводительниц и рассеялись по стране. Когда они жили ульем, матки сдерживали их; они плели интриги и строили далеко идущие планы, а ко мне обращались лишь изредка и за *весьма* скромными одолжениями. Теперь же они – полчище безжалостных тварей, которые в курсе всех грязных секретов правящего класса. И готовы при первой же возможности использовать эти сведения в своих целях!

Голос его становился все громче, и последние слова прозвучали как неистовый рык. Ему пришлось отдышаться и несколько раз затянуться сигарой, чтобы совладать с собой.

Я тоже был вынужден приложить немало усилий, дабы скрыть, как меня забавляет происходящее.

– Они шантажировали вас, – сказал я, даже не пытаясь выдать это утверждение за вопрос. Лорд Солсбери не ответил, но и глаз на меня не поднял. – Мы знаем, что они помогли вашему сыну зачать дитя после многих лет бесплодного брака, – безапелляционно добавил я. Тут даже лихим детинам стало не по себе. Вид у премьер-министра был удивленный, но не слишком. Он горько усмехнулся.

– В повышении человеческой плодовитости они, похоже, особенно преуспели. – Он устало вздохнул. – Да. Эти ведьмы тянут деньги из нас с сыном с прошлого января. Вот почему я был вынужден позволить им опустошить то хранилище... помимо всего прочего. Я надеялся, что они оставят нас в покое, но они лишь требуют все больше и больше.

– При всем уважении, – немного помолчав, сказал я, – насколько серьезен компромат на вас, которым они владеют?

– Что? – задохнулся премьер-министр.

– Они помогли вашему сыну зачать ребенка, – спешно ответил я. – Этого недостаточно, чтобы держать на коротком поводке даже кого-то рангом ниже вашего. Что за тайной они...

– *Вас это не касается!* – рявкнул премьер-министр, и я

вздрогнул от неожиданности.

Эхо его крика повисло в воздухе, вокруг установилась мертвая тишина – замолчали даже лошади. Нарушила безмолвие едва слышная усмешка. Макгрей сдерживался как мог, но усилия эти не увенчались успехом.

– Что-то здесь вам кажется смешным? – прошипел премьер-министр.

Макгрей прыснул:

– Шайка деревенских баб держит премьер-министра за яйца... Как же вас это, наверное, бесит!

Премьер-министр закусил губу с такой силой, что едва не пустил себе кровь, а затем кивнул, и Шеф снова отвесил Макгрею подзатыльник. Тот, впрочем, посмеиваться не прекратил.

– Стало быть, вы хотите, чтобы мы отыскали для вас этих ведьм, – заключил я.

Лорд Солсбери потянулся к сигаре дрожащей рукой – его колотило от злости.

– Да.

Я выгнул бровь, мысленно прикидывая возможные исходы.

– Хотите избавиться от них?

Взгляд Солсбери потемнел – он сощурился, как волк на охоте.

– Да, – ответил он. – Любым возможным способом.

От его тона мне стало нехорошо. Он заметил это и фырк-

нул.

– Мои люди сделают всю грязную работу, если скажете им, куда стрелять. Они не так брезгливы, как вы.

Сказав это, он бросил взгляд на Шефа, и тот зловеще гоготнул.

Я хотел было возразить, но тут вмешался Макгрей:

– Погодите-погодите-ка. Я кое-чего не понял. Каким это, скажите, образом поимка тех проклятых ведьм, которых вы хотите пристрелить, должна помочь *нам*? Мы-то с этого что поимеем?

По его мерке это прозвучало довольно вежливо, но лорд Солсбери начал заикаться от гнева.

– Что – что с этого – что с этого поимеете?.. *Ваши жалкие жизни, тупоголовый ты шотландец!*

Макгрей поморщился, словно почуял какую-то вонь.

– Как? Если ваша немецкая сука жаждет нашей смерти, то я не понимаю, как именно, доставив вам на растерзание пару ведьм, мы спасемся от...

Шеф наподдал ему в висок. Вероятно, он был очень силен, ибо даже крепкий Десятипалый оглушенно замотал головой. Лорд Солсбери воспользовался моментом, чтобы объяснить свой план:

– Я намерен привести к ее величеству одну из ведьм, и та проведет для нее спиритический сеанс. Разумеется, уже после того, как мои люди избавятся от остальных *вещуний*. – Я хотел вмешаться, но при виде Макгрея, который все еще

мотал побитой головой, передумал. Премьер-министр, однако, заметил недоумение на моем лице. – Я знаю, как мыслит королева. Если я найду для нее новую ведьму, которая сумеет связать ее с любимым Альбертом, то она снова оживится, будто телка по весне. И тогда я смогу уговорить ее на что угодно.

Я кивнул. Ни для кого не было секретом, что парламентское большинство не поддерживало премьер-министра и что королева Виктория обожала использовать свой статус, чтобы *убеждать* членов выбирать тот политический курс, который был ей по вкусу, – дабы «усмирять разгул демократии», как она это называла.

План был хитрый – таким образом премьер-министр избавится от гнета ведьм и приобретет еще больший политический вес. В буквальном смысле одним махом.

Однако я не удержался от циничного замечания:

– Сэр, если цель – просто потрафить ей, то почему бы не привести к ней какую-нибудь шарлатанку, способную устроить убедительное представление? Я уверен, что мой коллега сумеет подыскать нужного человека.

Лорд Солсбери покачал головой:

– Исключено. Те ведьмы свое ремесло знали. Они убедили ее величество, что они и только они умеют связываться с принцем, а любая другая, что заявит об аналогичных способностях, – проходимка. Кроме того, за прошедшие годы они сумели выведать определенные... – его передернуло, – по-

дробности из личной жизни королевы. Она непременно станет задавать вопросы, ответить на которые смог бы лишь покойный принц, дабы убедиться, что ее не обманывают.

Я тоже поежился. Таких «подробностей» явно было немало. Все знали, что в первые годы брака Виктория и Альберт сутками не покидали королевскую опочивальню.

– То есть, – сказал Макгрей, – вы хотите заткнуть пасти всем этим ведьмам, но в то же время ждете, что одну из них мы осторожно выкрадем из шайки, а потом привезем ее в сраный Виндзорский замок, чтобы королева Вики смогла поболтать со своим мертвым хахалем?

Премьер-министр кивнул.

– Сейчас ее величество в Осборн-хаусе на острове Уайт. Все остальное вы изложили верно.

Девятипалый с сарказмом улыбнулся:

– А что, если мы откажемся?

Шеф снова замахнулся на него, но лорд Солсбери остановил его жестом:

– Прекрати! Мозгов у него и так немного, и они мне еще понадобятся! – А затем он передразнил Макгрееву улыбочку и тон: – Если вы *отказываетесь*, молодой человек, так и скажите, и я немедленно доставлю вас к ее величеству. Меня похвалят за спорую работу, и мне придется расправиться с треклятыми ведьмами как-нибудь иначе, задействовав те... крайне *скудные* ресурсы, коими обладает лидер нации.

Девятипалый начал ему что-то отвечать, но лорд Солсбе-

ри кивнул Шефу, и тот одной рукой заткнул Макгрею рот, а второй придавил к виску револьвер. И тихо, гаденько захихикал.

– И я хочу кое-что прояснить, инспекторы, – сказал премьер-министр, пока Макгрей пытался понять, как реагировать, – взгляд его метался между мной и лордом Солсбери. – Я обратился к вам лишь потому, что убежден: ваш прежний опыт в этих делах поможет достичь быстрого результата, а ваша осведомленность позволит вам выбрать наиболее подходящую ведьму. Как вам уже известно, это единственная причина, по которой я позволил вашему жалкому подразделению существовать так долго, и единственная причина, по которой я все еще не отдал приказ о вашем убийстве, но не надейтесь, что я не приму меры, если того потребуют обстоятельства. Предадите меня – умрете. Попытаетесь уплыть паромом на материк – умрете. Один лишь намек на то, что вы намерены предать эту историю огласке, – и вы умрете. – Он посмотрел на Шефа и остальных. – Мои люди будут пристально за вами наблюдать. Если вы попадете в переделку, они помогут вам, чем смогут. Но помните, что они вам *не* друзья. Они также имеют право исчезнуть с горизонта, если ваши действия поставят вас в положение, которое может каким-либо образом скомпрометировать меня, ее величество или правительство. Я дал им добро избавиться от вас, если это потребуется.

Парочка громил злобно усмехнулась.

Лорд Солсбери снова кивнул Шефу, который наконец отпустил Макгрея. Покопавшись в нагрудном кармане, он бросил мне солидного размера кошель, набитый стерлингами.

– Этого должно хватить на все расходы, связанные с вашим заданием, – сказал лорд Солсбери. – А сейчас мои люди отвезут вас туда, где вам будет угодно приступить к работе.

С этими словами он махнул, чтобы ему подали трость, и встал.

Стиснув в руке немислимое количество денег, я смотрел вслед уходящему премьер-министру и его людям.

– Сколько у нас времени? – спросил я.

– Немного, – не оглядываясь, бросил лорд Солсбери. – Ее величество общается со своим покойным мужем каждый сочельник. И своим привычкам изменять не склонна.

Мы попросили Шефа и оставшегося кучера отвезти нас домой к Макгрею. Раз уж к работе следовало приступить немедленно, то лучше было сделать это там, где хранились лучшие книги по ведовству.

К счастью, потный усатый Шеф сел не с нами, а на козлах с возницей, и, когда экипаж тронулся с места и поехал по пустынным улицам, показную храбрость с меня как ветром сдуло. Я спрятал лицо в ладонях и, заикаясь, заныл, словно дитя:

– Королева... королева Викто... королева Виктория жаждет нашей смерти... О Господи, *королева Виктория жаждет нашей смерти!*

Макгрей все еще потирал голову в том месте, куда пришелся удар Шефа.

– Ох, успокойся ты, Фрей. Она не может просто взять и убить нас. У нас же законы действуют, как-никак. Здесь тебе не сраная «Алиса в Стране чудес».

– Да если бы. Будь я там, попросил бы проклятого Чеширского Кота нарисовать мне дверь в треклятый Тимбукту!

– Ох, да прекрати ты уже! Не провоцируй меня, а то врежу. Нужно оценить наши возможности. Сколько у тебя там?

Он кивнул на толстый кошель, лежавший у меня на коленях. Я сделал глубокий вдох, раскрыл его и на глаз прикинул

сумму.

– Я бы сказал, тут что-то около двух тысяч фунтов.

– Ни хрена себе!

Он выдернул у меня из рук деньги и всю оставшуюся до-рогу пересчитывал их, не обращая внимания на мои жало-бы. Мы быстро доехали до роскошного Нового города с его просторными улицами и георгианскими фасадами. Экипаж свернул на широкую полукруглую площадь – то была Мор-эй-плейс, сквер в центре был припорошен снегом, мерцав-шим в желтом свете фонарей. Когда экипаж остановился пе-ред солидным домом Макгрея – которому я втайне завидо-вал, – мне уже не терпелось выбраться из этой чертовой ко-ляски.

Все окна в доме светились, и парадная дверь распахну-лась, как только я вышел из экипажа. Я узнал пухлое, однако бледное лицо моей бывшей экономки Джоан (которую увел у меня дворецкий Макгрея – не устану об этом сетовать) – она вышла на скользкое крыльцо.

– Сэры, вы в порядке? – крикнула она со своим сильным ланкаширским акцентом. Торопясь к нам навстречу, она ед-ва не свалилась с лестницы. – Они и вас увезли, мистер Фрей? Куда вас?..

– Дома все расскажем, – перебил ее Макгрей и втолкнул обратно, поскольку Шеф тоже вылез из коляски и пошел сле-дом за нами. Десятипалый развернулся к нему: – Куда это ты, черт тебя дерит, собрался? Тебя, козел, сюда не приглашали!

Рот Шефа изогнулся в гадкой улыбочке. С ответом он не спешил.

– Мы приглядываем за вами – помните об этом. Не делайте того, что может огорчить меня, иначе... – Он вытянул свой револьвер ровно настолько, чтобы мы его заметили. – Ну, мне не хотелось бы ненароком пристрелить мешок с костями, который служит у тебя дворецким, или ту жирную ланкаширскую...

– *Пшел вон!* – И Макгрей захлопнул дверь с такой силой, что она чуть не слетела с петель.

Я ошеломленно огляделся. В прихожей, которую Джоан обычно содержала в безупречной чистоте, был полный кавардак – всюду валялись обломки мебели, осколки ваз, обрывки обоев...

Бедный Джордж, престарелый дворецкий Макгрея (и предмет обожания Джоан), с несчастным видом сидел на лестнице, прижимая к левому глазу увесистый стейк.

Досталось даже Ларри, мальчишке-слуге, которого мы спасли от удела трубочиста, – ему влетело по губе, которая успела с тех пор налиться кровью. Он ошарашенно воззрился на мое нетронутое пальто, шелковый пижамный жакет и элегантные домашние туфли.

– А почему они вас не избили, мастер?

Я недоуменно посмотрел на него:

– Я просто... Я им не сопротивлялся.

Макгрей прыснул:

– Надеюсь, тебя никогда не занесет в тюрьму.

– Но что случилось-то, господин? – спросил Джордж, над которым с нежностью хлопотала Джоан.

– Они явились, чтобы дать нам... задание, – пробурчал Макгрей, а затем сунул кошель в свой нагрудный карман, поскольку Ларри хищно на него поглядывал. – Чем меньше вы будете знать, тем лучше. – Он навел палец на Джоан: – Я не шучу, дорогуша! Даже не пытайся выудить из нас сплетни, если не хочешь, чтобы те типы вернулись и добились старика Джорджа!

– Я и не собиралась, мастер, – пробурчала она, надувшись словно голубь.

– Ага, конечно, – передразнил ее Макгрей. – Джордж, ты в порядке? Послать за врачом?

– Ох, нет. Я крепкий, как... Ай!

– Я схожу за ним, если понадобится, – сказала Джоан, только что ткнувшая Джорджа в лицо чуть сильнее, чем нужно.

– Ладненько, – ответил Макгрей. – Пойдем, Перси, работа не ждет.

Я был так напряжен, что даже не отреагировал на упоминание ненавистного мне среднего имени. Вместо этого я повернулся к мальчишке:

– Ларри, с утра первым делом сбегай ко мне домой и передай моему камердинеру, что у меня все нормально. И пусть принесет мне чистую одежду.

– Слушаюсь, господин.

– И Джоан, можешь, пожалуйста, организовать для нас какой-нибудь перекус? Холодное мясо, хлеб, фрукты – что-то такое. Возможно, сегодня мы спать не будем.

– Сию минуту, господин Фрей.

Затем я проследовал за Макгреем в библиотеку. Там тоже царило разорение, но не такое, как в прихожей, – для сей комнаты это было привычное состояние: ее заполняли кренящиеся стопки книг, коллекция причудливых поделок и множество недопитых бокалов и стаканов. То были Макгреевы уголья, и прислуге разрешалось только приносить сюда уголь, уносить отсюда грязную посуду и вытирать разлитые жидкости.

Шагнув в комнату, Макгрей едва не оказался сбит с ног своими псами – игривым золотистым ретривером по кличке Такер и гигантским черным мастифом Маккензи, у которого была отвратительная привычка пускать слюни.

– Тихо, тихо, я в порядке!

Пока Макгрей успокаивал мохнатых зверюг, я направился напрямиком к графину и налил себе щедрую порцию виски.

Внезапно у меня закружилась голова, онемели пальцы, сжимавшие стакан, а ступни, казалось, взмыли над ковром. И нет, дело было не в виски; чувство это было сродни потрясению и неверию, какие испытываешь, получив удар в лицо.

– Так и знал, что это дело нам еще аукнется, – сказал я. – Правда, не в таком виде. Когда замешаны премьер-министр

и королева – сама *королева*... – выдохнул я. – Господи, как же я скучаю по старым добрым временам, когда разбираться приходилось только с выпотрошенными скрипачами!²

Выставив собак из комнаты – их бурная радость помешала бы нам работать, – Макгрей растянулся на потрепанной софе возле огромного камина. Я протянул ему бокал со спиртным и сел напротив.

– С чего начнем? – спросил я, потирая лоб и чувствуя себя совершенно разбитым. – Какое сегодня число?

– Тринадцатое. Ну, то есть уже четырнадцатое.

– Черт! У нас всего одиннадцать дней, чтобы спастись от виселицы, – если верить Солсбери.

– Десять. Он говорил про сочельник.

Я грохнул стаканом по разделявшему нас столику.

– Каким образом мы должны выследить группу хитроумных женщин, которые могут скрываться на любом из Британских островов, всего за десять дней? – Я сдавил виски пальцами и, подняв взгляд на Макгрея, обнаружил, что он погружен в раздумья. – Что такое?

– Неа... не на любом.

Сказав это, он вскочил и принялся рыскать в горах книг и бумаг. Меня всегда поражало, с какой легкостью Макгрей находил в этом море хлама необходимые страницы – и этой ночью он снова не подвел. Он вытянул пожелтевший ветхий

² Отсылка к первому роману цикла, в котором Фрей и Макгрей раскрыли серию довольно жутких убийств музыкантов.

лист, сложенный несколько раз, и развернул его на столе. Это была выцветшая карта Великобритании, но несколько мест на ней были помечены красными точками.

– Помнишь, та ведьма Белена показывала нам свою карту? Когда мы не знали, куда двигаться дальше.

– Как такое забудешь? – сказал я, думая о той бедной старой ведьме. Немая, покалеченная и изгнанная своими товарами, она долгие годы вынужденно жила в дикой ланкаширской местности. Она нашла нас, когда мы были на краю гибели, и ее указания стали лишь малой толикой помощи, которую она нам оказала. Мне стало интересно, где она обитает нынче.

– Это большая часть отметок с ее карты, которые мне удалось запомнить, – сказал Макгрей. – Те места, где у ведьм были свои люди. Когда мы вернулись домой после Ланкаширского дела, я на всякий случай восстановил их по памяти.

– Макгрей... – выдохнул я, придавив карту руками и испытывая внезапный восторг. – В кои-то веки... *гениальное* решение!

– Гениальное? Когда я занимался этим у тебя на глазах, ты заявил, что это очередная идиотская трата времени.

– Это тот редчайший случай, когда твоя идея принесла пользу! Насколько точны, по-твоему, эти отметки?

– Весьма. У меня хорошая память на карты.

Я пробежался пальцами по отметкам. Большая пента-

грамма был нарисована поверх Пендл-хилл³, кружки поменьше – поверх Эдинбурга, Йорка и еще нескольких мелких городков в Ланкашире и Камбрии.

– Сомневаюсь, что они вернулись в свои прежние обиталища, – сказал я, – особенно если кто-то из них докучал премьер-министру. Но для начала весьма неплохо.

– А еще мы довольно неплохо знакомы с их историей.

– *Ты*. Ты неплохо знаком. Честно говоря, я помню лишь то, что рассказал Солсбери. Можешь освежить мне память? В кои-то веки у меня есть повод прислушаться к твоим рассказам.

Уговаривать Девятипалого не было нужды. Это была его любимая тема – даже более любимая, чем односолодовый виски и лошади.

– Их история началась в окрестностях Ланкашира во времена охоты на ведьм, объявленной Яковом I. – Он постучал пальцем по городу на карте – одному из мест, отмеченных красным кружком. – Они веками действовали подпольно. Большинство из них были повитухами, деревенскими знахарками и тому подобными. Когда король принялся жечь и вешать их, им пришлось объединиться, чтобы защитить

³ Окрестности холма Пендл-хилл в графстве Ланкашир издавна считались в Англии гиблым местом. В XVI веке в тех довольно глухих и отдаленных от больших городов краях укрывались от гонений многие католики, которых во времена Реформации официальные власти объявили еретиками. Самый громкий эпизод истории, связанный с Пендл-хилл, – суды над местными ведьмами: в 1612 году 12 человек обвинили в колдовстве, 11 из них повесили.

себя. Большинство были католичками, давно привыкшими скрывать свои взгляды и род занятий, так что эти новые гонения не стали для них чем-то из ряда вон.

– Но ведь не у всех них были добрые намерения?

– Конечно, нет. Паршивая овца найдется в любом стаде.

Многие из этих женщин были честными знахарками, но были и те, что, не терзаясь сомнениями, просили кругленькие суммы за сглаз или приворот – которые, кстати, *работают*, не делай такое лицо!

– Или за яд, который не оставляет следов?

Макгрей тяжело вздохнул и пригубил виски.

– Угу. Иногда они раздавали «амулеты», которые были хитро состряпанной отравой, медленно убивавшей своего носителя, или «проклинали» людей – лишь для того, чтобы позже избавиться от них куда более заурядным способом. Тогда-то они и обрели свою дурную репутацию – из-за действий тех немногих клеймо легло на всех.

– Увы, – вставил я, – похоже, что преуспели как раз «те немногие».

Макгрей скривился.

– Почти угадал. Зелья из плаценты, младенцы на заклятие и предсказания будущего по кошачьим потрохам – людям запоминалось всякое такое. Ведьмы явно слышали, как народ делится подобными легендами – обычно сильно раздутыми, – и, думаю, они даже намеренно их поддерживали.

Брови мои взмыли вверх.

– Чтобы слишком любопытные не совали носы в их дела?

– Ага. Примерно в те времена они создали свой гримуар.

Я кивнул:

– Разумеется. Секретный шифр, который понимают только они.

– *Пясть лягушки, глаз червяги, шерсть ушана, зуб дворняги...*⁴

– *Не оскверняй* Шекспира этим своим акцентом, умоляю.

– *Не оскверняй!* Это из сраной шотландской пьесы, чертов ты... Ай, забудь. Эти странные рецепты состояли из кодовых названий других ингредиентов. Но *ни разу* за двести с лишним лет они не перенесли этот шифр на бумагу. – Он махнул в сторону внушительной коллекции старых книг по ведовству и стопок брошюр, что громоздились вокруг. – Я искал везде, где мог, но так и не нашел расшифровку.

– И кодовые названия они выбирали самые мерзкие, – добавил я. – Части трупов, печень евреев... Это все было частью спектакля?

– Именно, а еще способствовало тому, что их проклятия оседали в головах у людей. Проклиная кого-то, они делали это на публике, и такое проклятье вроде как работало.

Как и проклятие Ардглассов, подумал я, но вслух этого произносить не стал. Та фамилия вызывала у Девятипалого несварение, а мне нужно было, чтобы он сосредоточился на деле.

⁴ Фрагмент из пьесы «Макбет» У. Шекспира. Пер. М. Лозинского.

– Так когда же ведьмы превратились в промышлявшую контрабандой и шантажом сложнейшую организацию, которую мы раскрыли в январе?

Макгрей нахмурился и снова принялся рыться в своих книгах.

– Сравнительно недавно. Они с самого начала обладали влиянием, и связи друг с другом у них были прекрасно налажены, но насчитывалось их совсем немного; дела свои они вели втайне и тщательно выбирая клиентов.

Он пролистал несколько книг – корешки у некоторых совсем разошлись и держались на честном слове.

– Не скажу, когда именно произошел этот сдвиг, но случился он, похоже, примерно пятьдесят лет назад.

– Настолько недавно?

– Ага. Совсем недавно – с учетом самых древних их ритуалов.

– Как думаешь, что послужило толчком?

Макгрей пожал плечами.

– Может быть, они прижали правильного человека. А может, во главе их встала очень амбициозная ведьма, которая вдохновилась размахом новых хлопчатобумажных фабрик.

– Маргарита... – пробормотал я, вспомнив ту ужасную женщину, чьи глаза навывкате до сих пор являлись мне в кошмарах. К счастью, она уже была мертва. – Если временной отрезок, на который ты ориентируешься, верен, то численность шайки увеличила либо она сама, либо ее предшествен-

ница.

– Точненко. Но внутренний круг они расширять не стали. Только старшие ведьмы были в курсе всех их тайных делишек. Думаю, младшие искренне верили, что занимаются колдовством.

– То есть ты *и сам* признаешь, что...

Он перебил меня:

– Вспомни, сколько ведьм ты видел тогда в Пендл-хилл? Сколько их приспешников?

Я закрыл глаза. То были жуткие моменты; даже воспоминания о них пронеслись у меня в голове с лихорадочной скоростью. Я вспомнил их факелы, горевшие синим пламенем – разноцветные огни служили им самым надежным средством передачи сообщений на дальние расстояния. Мне вспомнились зеленые и синие огни, а следом накатили и более зловещие воспоминания.

– Трудно сказать, – прошептал я, покачав головой. – Тридцать? Сорок?

– Ага, и мне так помнится. И как минимум вдвое больше мужчин-головорезов – сплошь безмозглые здоровяки.

Я уныло вздохнул, чувствуя, как подступает очередная волна отчаяния.

– Не так уж много, но все же многовато, чтобы вступать с ними в бой... Сколько из них, по твоей прикидке, погибло в ту ночь?

Макгрей потупился, не желая отвечать. Однако неприят-

ная правда витала в воздухе.

– Скромная горстка, – ответил я за него. – И, кажется, за исключением двух верховных ведьм – Осмунды и Маргариты, почти все погибшие были легко заменимыми бандитами.

Макгрей тяжело вздохнул и откинулся на софу. Я подождал пару секунд, дав ему время все осмыслить, а также потому, что переживал, как он воспримет мое следующее предложение. Пора было поговорить о семействе Ардглассов.

– В этом самом городе, – начал я как можно более деликатным тоном, – есть человек, который может нам помочь. Человек, чей род был... проклят, предположительно, теми же ведьмами несколько столетий назад.

Макгрей догадался сразу. С кривой ухмылкой он поднял взгляд:

– Леди Гласс?

– Верно, Энн Ардгласс. Сколько там – тринадцать их колен прокляли те ведьмы? Она ведь к одиннадцатому принадлежит? А лорд Джоэл – к двенадцатому?

Девятипалый рассмеялся:

– Мне плевать. Я с этой старой тварью общаться не собираюсь!

– А тебя никто и не просит. Это же все равно что двух оголодавших бойцовых петухов сравить. Я сам к ней схожу – какой бы нервотрепкой эта встреча ни обещала быть.

– Пф-ф! Удачи. Она и тебя ненавидит!

– Может, и так, но хотя бы не с той исступленной яростью,

какую бережет для тебя и твоих родных.

Макгрей покачал головой.

– Она ни за что не станет нам помогать. Не удивлюсь, если она сама в итоге окажется сраной ведьмой. Живучая карга, все никак не сдохнет. Не похоже это на нормальный ход вещей.

Я ненадолго задумался, покручивая свой стакан с виски и поглядывая на Макгрееву коллекцию уродливых животных, законсервированных в формальдегиде. Кто бы тут говорил про нормальность...

– А я считаю, что она нам *поможет*, – сказал я, а затем нахмурился. – Более того, чем дольше я об этом думаю, тем больше в этом уверяюсь.

Робкий стук в дверь прервал мои дальнейшие размышления вслух, и в комнату вошла Джоан с большим подносом. На нем были хлеб, сыр, графин с кларетом, две миски с горячим мясным рагу и небольшая горка ее знаменитых сконнов с изюмом. Я чуть не заскулил, вспомнив, какие восхитительные ужины и завтраки она готовит.

Джоан принялась неторопливо расставлять блюда по столу и разливать кларет, очевидно надеясь услышать что-то, о чем можно было бы посплетничать. Ее настороженный взгляд напомнил мне о том, что новости из ее уст разлетались по стране с невероятной скоростью – порой быстрее, чем телеграммы.

– Джоан, – начал я как бы невзначай, – что там нынче го-

ворят о леди Гласс?

Она озадаченно посмотрела на меня:

– Вы про свою домовладелицу-пьянчугу, сэр?

– Именно.

– О, ничего особенного, – ответила она с заметно раздраженным видом. – Она уже давненько никого не нагревала на деньги – о ней обычно подобные слухи гуляют. Хотя недавно она выкинула парочку жильцов из дома на Джордж-стрит. С виду были весьма приличные люди, но оказалось, что они ей задолжали за четырнадцать месяцев. Ух, и шум она подняла – задействовала все свои деловые связи.

– Это говорит лишь о том, что она пребывает в добром здравии, – сказал я.

– Думаю, да, сэр. Я слышала, что ее заказы у виноторговца меньше не становятся.

– А слышала ли ты что-нибудь, – я прикусил губу, уже зная, какую реакцию вызовет мой вопрос, – о ее внучке?

На лице Джоан возникла игривая улыбочка.

– Джоан, я не о том...

– Я все понимаю, сэр. Вы давно ведете одинокую жизнь, а мужчины к этому не приспособлены. Последнее, что я слышала, – она все еще за границей, но никто не знает, где именно, – даже слуги. Тут прошел слух, будто она уехала, чтобы избавиться от... – она перешла на шепот, – неприятностей, если вы понимаете, о чем я.

– И ты в это веришь? – спросил я с внезапной воинствен-

ностью в голосе, отчего улыбка Джоан стала только шире.

– Предполагай худшее – не ошибешься, как говорила моя бабка. – Она бросила на меня по-матерински теплый взгляд и подмигнула. – Я бы на вашем месте держалась подальше от этой особы, господин. Девиц вокруг пруд пруди.

– Я не...

Но Джоан уже вышла из комнаты. К счастью, Макгрей не обратил на нас особого внимания; он был занят едой и старыми книгами, искал места на карте и делал карандашные пометки.

– Утром нанесу визит леди Энн, – решил я.

– Только не засиживайся там. У нас очень мало времени, и нужно разобраться во всех тех сведениях, которые у нас уже есть. – Он поднял взгляд. – Ты же ведь написал напыщенный отчет о Ланкаширском деле, да?

– Напы?.. Да, написал. Он где-то в документах у нас в кабинете.

– Отлично, завтра загляну в него, пока ты навещаешь эту мумию сушеную.

Мы ели в тишине, на пару смакуя кларет и горячую сытную еду. Даже не говоря об этом вслух, оба мы понимали, что нам предстоит погрузиться в очень мутные воды. Ужин дома, подле очага, в сравнительно спокойной обстановке – возможно, такого с нами попросту больше не случится.

– Тебе как-нибудь с этим помочь? – доев, спросил я и указал на внушительную гору старинных трактатов.

– Неа, я больше времени потрачу, если начну объяснять тебе, где что лежит.

– А ты не собираешься?..

– Ты же знаешь, что я не сплю, – оборвал он меня. – А сейчас еще меньше хочется.

Я кивнул и, выйдя из комнаты, обнаружил, что Джоан уже подготовила для меня одну из гостевых комнат. Благо я все еще был в пижаме, так что мне оставалось лишь снять домашний жакет и нырнуть в постель.

Несмотря на изнеможение, мне снились странные, хотя и ожидаемые сны.

Бурлящие котлы, каркающие вороны... и зеленые огни.

ДНЕВНИК – 1827

Доктор Спангенберг послал меня в Дрибург, на воды, где я пил Сельтерскую, принимал ванны с ней и орошал ею Глаза: зрение мое вернулось. Недуг мой так и не отступил, но проявления его со временем ослабли...

На следующий день температура упала, отчего по всему городу вчерашняя слякоть превратилась в жесткую корку. Одной из первых жертв непогоды стал Лейтон, который распластался прямо на крыльце у Макгрея, когда принес для меня несколько сменных нарядов.

– Ты цел? – воскликнула Джоан и помогла ему подняться. Бедолага спас мои свежeweыглаженные рубашки ценою собственного носа.

– Пожалуйста, покажись врачу, – велел я ему, спустившись к ним в прихожую.

– Да, господин Фрей, – со стоицизмом в голосе ответил он. – Желаете, чтобы я принес для вас еще что-нибудь? Ваши сигары? Ваш кофе?

– О нем тут есть кому позаботиться, – нахохлившись, заявила Джоан.

– Пожалуй, да, – я повысил тон, дабы предупредить очередной конфликт южан с северянами, – я хочу, чтобы ты собрал для меня пару чемоданов в дорогу и держал их наготове в гардеробной. Может статься так, что мне придется срочно уехать.

Лейтон поклонился, словно пытаясь подать пример Джоан, как следует вести себя порядочной прислуге.

– Я соберу для господина все необходимое.

Джоан поморщилась и стряхнула со стопки с моей одеждой воображаемую пыль.

– Кто-то явно не умеет крахмалить воротнички.

– Да как вы... *смеете!* – задохнулся Лейтон.

– Спасибо, Лейтон, на этом все, – сказал я и быстро захлопнул дверь.

Я спешно оделся и прыгнул в первый же кеб, который сумел поймать Ларри. Несмотря на вынужденно медленное движение из-за обледеневших дорог, мы добрались до особняка Ардглассов в считанные минуты.

Его фасад, гордо высившийся на углу Дьюк и Квин-стрит, как и прежде, производил грозное впечатление: серый гранитный колосс под подобающе хмурым небом с неприличным количеством окон, крыльцом и колоннами, явно спроектированными с умыслом наводить на посетителей дома страх.

Надменный дворецкий возмутился, когда я сообщил, что мне не назначено (при нормальных обстоятельствах я бы предупредил о визите запиской, но на сей раз решил, что не оставлю этой женщине шанса избежать встречи со мной). Дворецкий впустил меня только после того, как я показал ему полицейское удостоверение и пригрозил, что вызову сюда орду констеблей, если он заставит меня прождать здесь еще хоть минуточку.

Он провел меня по пустым коридорам, наши шаги эхом

отдавались под высокими сводчатыми потолками. Внутри особняка было не теплее, чем снаружи, – даже если бы он принадлежал кому-то менее скарредному, чем леди Энн, прогреть все это пространство было едва ли возможно.

– Ждите здесь, – сказал дворецкий, когда мы подошли к салону леди Энн. Он вошел в комнату и закрыл за собой дверь.

Я ожидал в тишине, потирая руки в перчатках, чтобы согреться. Студеный воздух в том доме был подходящей прелюдией к нашей встрече. Я знал, что в беседе придется затронуть самые мрачные тайны этой семьи.

Из салона донесся хриплый крик, и я услышал глухие удары, с которыми падают книги, и звон разбитого стекла.

– Ну-с, приступим, – пробормотал я, когда дверь открылась.

Дворецкий, несколько побледневший, впустил меня без единого словечка.

Я понял, что оказался в том самом салоне, где мы с леди Энн имели нашу самую первую (и прискорбную) беседу. До чего простым теперь казался тот отрезок жизни, когда она всего лишь пыталась вынудить меня жениться на ее внучке.

В комнате было на удивление светло, распахнутые окна выходили на затянутую туманом Квин-стрит. Все стены занимали полки, заставленные гроссбухами и журналами учета, а за большим письменным столом, скрывавшимся под горой записок и документов, восседала печально известная ле-

ди Гласс.

Я едва не ахнул. Сухотелая дама, которой было уже за семьдесят, и раньше не являла собою приятное зрелище, но теперь ее щеки впали, а морщины углубились, отчего голубые глаза ее в прожилках сосудов выглядели как стеклянные шарики, помещенные в слишком большие для них глазницы. Она была одета в траур, коса из ломких седых волос огибала один из ее типичных головных уборов: два черных птичьих чучела в окружении перьев, торчащих в стороны, как зубцы короны (что выглядело довольно скромно – в сравнении со шляпами шириною в два фута, в которых она обычно появлялась в городе).

В своем мрачном одеянии она напоминала бледную нежить, и я тотчас вообразил, что полный кларета хрустальный графин рядом с ней – это сосуд со свежей кровью. Губы ее потемнели от напитка – что было неудивительно, несмотря даже на ранний час: «леди Гласс»⁵ ее прозвали не случайно.

Пару секунд она молча сверлила меня пытливым взглядом, затем не спеша наполнила свой бокал.

– Выглядите прескверно, мистер Фрей. Бессонница?

– И вам доброго дня, леди Энн, – сказал я и сел, не дожидаясь приглашения.

Она сделала большой глоток (вероятно, это был ее зав-

⁵ Игра слов: glass в переводе с английского в данном случае означает «стакан», «бокал».

трак), не сводя с меня пронизательных осуждающих глаз.

– Как же я рада, что вы отвергли предложение руки моей внучки. До чего позорно было бы породниться с вами.

– Как деликатно с вашей стороны, – вздохнул я. – Вы тоже считаете, что я колдовал на глазах у публики?

– Я знаю, что с самого нашего знакомства вы ввязываетесь в скандал за скандалом и что вчера посреди ночи группа загадочных мужчин с сомнительной целью выволокла вас из принадлежащего мне дома.

– Как – откуда вы?..

– Худые вести не лежат на месте, а я всегда в курсе происходящего. – Она показала на трехдневной давности выпуск «Лондон Таймс», который валялся среди ее бумаг. – Всего пару дней назад девушка, которая, как я понимаю, некогда была с вами помолвлена, огласила дату своей свадьбы. С вашим братом, если не ошибаюсь?

Пусть меня поначалу и захлестнуло волной гнева, услышать об этом от кого-то помимо мачехи было неожиданно.

– Ах я тетеря, – глумилась леди Энн. – Вы ведь, конечно, уже об этом знаете. Разумеется, ваш брат – Лоуренс, так ведь его зовут? – уже прислал вам официальное приглашение.

Я с трудом сохранял невозмутимость. Недавно я получил телеграмму от моего младшего брата Эджи, в которой сообщалось, что Лоуренс действительно собирался отправить мне приглашение. Эджи выудил его из мешка с корреспонденцией, дабы уберечь меня от огорчения.

– Как поживает мисс Ардгласс, она в добром здравии? – поинтересовался я, не в силах удержаться от ответной подколки. Я был уверен, что Кэролайн не общалась со своей бабушкой на протяжении нескольких месяцев (о причинах тому я скоро поведаю), и леди Гласс, должно быть, все еще терзалась из-за их ужасной размолвки.

Как я и ожидал, она подлила себе еще кларета, прежде чем ответить:

– Ей двадцать шесть лет, мистер Фрей. *Двадцать шесть!* Через год она будет считаться старой девой. Еще через два – безнадежным случаем. Ей повезет, если она сумеет окрутить какого-нибудь нищего альфонса со сносной репутацией.

– Не приведи господь, она вообще не выйдет замуж, – произнес я с сарказмом в голосе.

– Если она не выйдет замуж и не произведет на свет сына, титул моего сына будет потерян навсегда. Династии Ардглассов и Амброузов просто пойдут прахом. – Она прищелкнула пальцами и воззрилась на меня. – Но теперь, когда я уже знаю, что к чему, такая участь для Кэролайн мне кажется куда более приемлемой, чем перспектива увидеть, как она выходит замуж за кого-то вроде вас.

Я кашлянул.

– Довольно любезностей, мэм. Я здесь по неотложному делу.

– Разумеется. С добрыми вестями вы сюда не являетесь.

Я едва ли не с удовольствием произнес свою следующую

реплику:

– Это дело в некотором роде касается вашего сына.

До чего же грозным может стать лицо. Стоило леди Энн услышать это, как все ехидство испарилось из ее взгляда. На его месте занялось пламя ярости.

Ее сын, покойный лорд Джоэл Ардгласс – чье имя я не осмелился назвать в присутствии премьер-министра, был главным фигурантом Ланкаширского дела.

Леди Энн, как и любая престарелая и состоятельная пуританка во главе семьи, боялась пересудов, какие пошли бы, стань безумие ее сына достоянием общественности – в таком случае, например, ее внучка лишилась бы всяких надежд на замужество. Поэтому предприимчивая леди Гласс инсценировала смерть сына, а в действительности тайком заключила его в Эдинбургскую лечебницу для душевнобольных. Лорд Джоэл пробыл там семь лет – до той роковой ночи, когда он убил молодую ведьму, выдававшую себя за его сиделку. Расследуя то дело, мы с Макгреем были вынуждены пуститься в бешеную погоню за ним, ибо, как я уже сказал, лорд Джоэл на своем пути в Ланкашир продолжал убивать без разбора.

Казалось, все эти факты промелькнули перед глазами леди Энн. Родословная этой женщины походила на отстойник, образовавшийся в семнадцатом веке, когда ее предки, движимые одной лишь алчностью, возглавили охоту на ланкаширских ведьм, чтобы угодить королю Якову I. Тогда-то ведьмы и прокляли ее род. Леди Энн заскрипела зубами, ко-

торые, из-за того что лицо ее усохло, теперь казались крупнее и острее.

– *Мой сын здесь ни при чем!* – заклокотала она. – Он умер в 1882 году. Это *и есть* правда.

– Несомненно, – сказал я, поддерживая ее ложь. Даже самые преданные слуги леди Энн знали далеко не все о трагедии лорда Джоэла. – Однако... – Я набрал в грудь воздуха, наклонился вперед и прошептал: – Те женщины... те самые, что... – я заговорил еще тише, – свели его с ума...

Глаза леди Энн широко распахнулись, на лице отразился страх, и она шепотом прокричала:

– Ведьмы! Они опять за свое?

Я посмотрел на нее в упор безо всякой насмешки и кивнул.

Медленно, очень медленно она подалась назад и стиснула своими узловатыми пальцами бокал, с трудом переваривая эту новость.

Когда я уже решил было, что бокал вот-вот лопнет у нее в руках, она вскочила, со скрипом отодвинув кресло. Она выпрямилась во весь рост – несмотря на преклонный возраст, осанка у нее была безупречная – и заковыляла к окну.

Я тоже встал, опасаясь, что она может упасть, но она дошла до окна, приложила свою длинную ладонь к стеклу и провела по нему ногтями. От этого звука мне едва не свело челюсть.

– *Что же они никак не сдохнут?* – прошипела она.

Я не торопил ее. Знаю, то разгулялось мое воображение, но небо за окном будто бы помрачнело. Леди Энн обернулась ко мне, гнев ее внезапно сменился паникой.

– Им нужна Кэролайн? Они нашли ее?

Похоже, сердце имелось даже у этой гнусной женщины.

– Нет, мэ. Насколько мне известно.

Она с облегчением выдохнула, черты лица ее чуть расслабились, но лишь на несколько секунд. Она сделала солидный глоток вина, который привел ее в чувство. Когда она снова перевела на меня взгляд, в нем блеснул недобрый огонек.

– Значит... Они на вас охотятся! На вас и на этого проклятого Девятипалого.

– Не совсем...

– И вам нужна моя помощь.

– Они охотятся не на нас, – повторил я громче.

– Тогда зачем вы явились? Знаете ведь, как я презираю вас и этих гадких Макгреев.

Я стиснул зубы, сознавая, что эту женщину не обманешь. Она все прочла по моим глазам и поняла, до чего серьезным было наше положение.

– Есть люди, – начал я, – высокопоставленные люди, которые желают избавиться от ведьм.

– *Высокопоставленные!* Кто именно?

– Я не могу раскрыть их имена.

– Я догадлива.

– Гадайте сколько вам угодно, мэ.

Старуха вздохнула, поняв, что большего от меня не добьется. Ее кривая ухмылка, впрочем, сообщила мне, что она примерно представляет, кто может стоять у руля.

– Чего вы от меня хотите?

– Сведений, леди Энн. Любых имеющихся у вас сведений об этой шайке.

– С какой стати я должна о них что-то знать?

– О, *не принимайте* меня за идиота, мэм! Вы знали об их существовании задолго до... беды, которая случилась с вашим сыном. Вы знали о проклятии, которое они, предположительно, наложили на ваш род. Вы и сами пытались их уничтожить, не так ли? Вы ведь отхватили у них то древнее поместье – Кобден-холл.

– Оно принадлежало моим предкам! Я лишь вернула себе то, что...

– Говорю вам, не принимайте меня за идиота! Ваша собственная внучка рассказала нам правду. Она тоже сочла подозрительными все те усилия, которые вы потратили, чтобы завладеть ветшающим особняком в сотнях миль от ваших загребущих лап.

– *Мистер Ф.!..*

– Вам принадлежит лучшая недвижимость в Эдинбурге, и всем известно, как искусно вы умеете добиваться своего. Однажды вы даже попытались отобрать дом у инспектора Макгрея.

– Да что вы вообще знаете о той истории, – усмехнулась

леди Энн.

– Вы обнаружили, что ведьмы использовали особняк в Ланкашире в качестве своей штаб-квартиры, поэтому нашли способ завладеть им. И они вам за это отомстили. Вот почему ваш сын стал их жертвой.

– *Замолчите!* – взвыла она, яростно сверкая глазами. Месть ведьм оказалась поистине безжалостной: единственный наследник леди Энн сошел с ума, в конце концов превратившись в злодея-убийцу, а ее внучка, ныне прекратившая с ней все общение, была вынуждена бежать из страны во имя своего спасения. В голове у меня вертелся вопрос, знает ли она вообще, где сейчас находится Кэролайн.

К моему удивлению, леди Энн улыбнулась.

– А теперь они взялись за вас и вашего дорогого Макгрея, – язвительно произнесла она. – Но если вы вступите с ними в бой и проиграете, а они узнают, что я вам помогала... – Она усмехнулась. – С какой стати я должна подвергать себя риску – куда большему риску, – помогая паразитам вроде вас?

Я встал – чтобы посмотреть ей в глаза.

– Возможно, мы сумеем избавить вас от них навсегда. Я думаю, что сейчас вам для этого представился лучший шанс. И я собственными глазами вижу, как вам не терпится им отомстить.

Леди Энн сглотнула.

– Я знаю, что за... *проклятие* они на вас наложили, – про-

должал я. – Тринадцать колен вашего рода обречены на горькую участь или безвременный конец, так ведь? И на протяжении последних трех столетий эти ведьмы прикладывали все усилия, чтобы их пророчество продолжало сбываться.

В глазах ее мелькнула искра чистой ненависти, и я постарался раздуть это пламя.

– Кэролайн – тринадцатое поколение, верно? Последняя по счету.

Губы ее дрогнули, будто она хотела что-то сказать, но звука так и не исторгли.

– У ведьм по-прежнему есть шансы победить и положить конец вашему роду, – настаивал я. – Но вы можете дать им отпор. Вы можете снабдить нас оружием.

Леди Энн стояла не шелохнувшись. Она смотрела на меня не мигая. На секунду я подумал, что сумел ее убедить, но она опустила взгляд на графин, уже наполовину опустевший.

Она подлила себе еще вина, отвернулась от меня и, уставившись в окно, принялась пить мелкими нервными глотками.

Так мы простояли некоторое время, снаружи доносились приглушенные звуки оживающей городской магистрали.

И когда я уже решил, что уйду отсюда ни с чем, леди Энн произнесла:

– Ради их смерти я сделаю что угодно.

Я отправился напрямик в штаб-квартиру полицейского управления, посулив вознице щедрые чаевые, если он отвезет меня туда как можно скорее. Когда впереди показались высокие доходные дома Королевской Мили, мне стало немного легче.

Я даже едва заметил, когда кто-то с верхних этажей выплеснул содержимое своей ночной вазы на улицу и дерьмо шлепнулось прямо на мой (по счастью, крытый) кеб.

Перепачканный испражнениями возница, проклиная свою судьбу, остановил кеб прямо у аркады Городских палат. Я выпорхнул из экипажа, воодушевленный своим недавним успехом, но тотчас почуял неладное.

Ощущение было сродни покалыванию в затылке, едва уловимое – но его оказалось достаточно, чтобы у меня возникло желание обернуться.

На другой стороне улицы я увидел высокого здоровяка, лицо которого прикрывали поля выгоревшего котелка. Он стоял, привалившись к каменной стене Рыночного креста⁶, со скрещенными на груди руками. Мужчина коснулся шля-

⁶ Mercat Cross – исторически в Шотландии место общественных сборищ обычно в центре города, отмеченное крупным каменным монументом. Здесь оглашались новости государственного и городского значения, а в Средние века устраивались ярмарки привезенных в город чужеземных товаров и казни.

пы и кивнул мне, дабы я понял, что он следит за мной. В тот же миг крупный ворон, сидевший у основания колонны монумента, громко каркнул и взлетел ввысь.

Я покачал головой и поспешил внутрь. Там меня сразу перехватил констебль Макнейр – его рыжая шевелюра была взлохмачена пуще обычного.

– Инспектор Фрей, – сказал он, – суперинтендент Тревелиан ожидает вас.

– Ожидает меня?

– Да. Десятипа... Инспектор Макгрей уже у него.

Я глубоко вздохнул и зашагал наверх. Дверь в кабинет Тревелиана действительно была открыта, рядом дежурил молодой клерк, поставленный там, чтобы разворачивать непрошенных посетителей. Едва завидев меня, он отошел в сторону.

Первым делом я увидел размытые очертания Эдинбургского замка, который располагался точно по центру вида из огромного кабинетного окна. Комнату заливал тусклый свет белесого неба, на фоне которого Макгрей и суперинтендент выглядели темными силуэтами.

– Прошу, садитесь, – сказал Тревелиан, выходя из-за письменного стола, на котором царил безупречный порядок. Он кивнул клерку, и тот немедленно закрыл дверь.

Я сел рядом с Макгреем, и Тревелиан со сложенными на груди руками примостился на краю стола, оценивая нас своими карими глазами.

Назначенный на пост совсем недавно, Тревельян уже успел зарекомендовать себя в качестве достойного главы полицейского управления (в отличие от своего бесчестного предшественника). Он держался с завидным самообладанием вопреки всем потрясениям, которые сопутствовали его работе. Неудивительно, что шевелюра его до сих пор была столь же темного оттенка, что и глаза.

– Стало быть, вас наконец вызвали на ковер, – сказал он.

Ни я, ни Макгрей не знали, что на это ответить. Тревельян кивнул с понимающим видом.

– Я получил послание от самого премьер-министра. Он приказывает мне обеспечить вас всем, в чем возникнет нужда, и – это было подчеркнуто – не задавать излишних вопросов. – Он сделал паузу, ожидая от нас какого-нибудь ответа. Мы молчали, так что он продолжил: – Согласуется ли это с тем, что он сообщил вам?

Макгрей отвел взгляд, переложив бремя разговора на меня.

– Приятно знать, что он радуется за наш успех, – только и сказал я.

Единственная морщина на лице Тревельяна – длинный залом на лбу – стала глубже.

– Насколько я понимаю, он возложил на вас задачу первостепенной важности.

– Точненько, – сказал Макгрей, но произнес это таким тоном, будто с размаху захлопнул дверь.

Тревельян снова кивнул.

– Как бы мне ни претило находиться в неведении, я постараюсь помочь вам всем, чем смогу. Мне лишь нужно знать, насколько безотлагательно это дело, чтобы действовать соответствующим образом.

Макгрей улыбнулся:

– Безотлагательное, как ведро ледяной воды, когда твою мошонку облили маслом и подожгли.

– Наглядное сравнение. – Тревельян снял фразу у меня с языка. И глубоко вздохнул. – И, к слову, о пылающем исподнем... – Он вернулся на свое привычное место: сел в кресло и переплел пальцы. Мне не понравилось то выражение, которое обрело его лицо. – Полагаю, вам известно, что с большей долей вероятности случится после того, как вы разберетесь с этим... загадочным делом.

– Если мы разберемся, – мрачно произнес я, но Макгрея, судя по виду, тревожило нечто более серьезное.

– Хотите сказать?..

– Премьер-министр не сообщил этого прямым текстом, но я сомневаюсь, что после этого он захочет сохранить ваше подразделение. Особенно если эта история, в чем бы там ни было дело, должна остаться тайной.

Повисла тишина.

До этого я не задумывался о том, что станет с нами после этого дела, но теперь мог лишь согласиться с Тревельяном. Когда с ведьмами будет покончено, лорд Солсбери захочет

избавиться от всех улик. Макгреево – *наше* маленькое подразделение станет первым же следом, который нужно будет замести.

– Вы же понимаете, что я не смогу более оправдывать расходы на содержание «необъяснимого и сверхъестественного», – добавил Тревельян и упредительно воздел палец, как только Макгрей распахнул рот. – *И я не беру* взятки, в отличие от предыдущего суперинтендента.

Макгрей положил обе ладони на стол – отсутствие пальца на одной из них бросалось в глаза сильнее прежнего.

– Хотите сказать, что после всего этого выкинете нас на улицу?

Тревельян поднял руку в примирительном жесте.

– Я дам вам время, чтобы вы смогли закрыть все незавершенные дела. – Пожалуй, не стоит упоминать о том, что никаких других дел мы не ведем, решил я. – Но затем – да, мне придется закрыть ваш отдел.

Макгрей откинулся назад с весьма удрученным видом.

Меня тоже кольнула грусть (*едва* ощутимо, разумеется), и Тревельян это заметил.

– При этом, – снова заговорил он, глядя на нас со всей серьезностью, – вы оба – очень ценные кадры, и мне не хотелось бы вас лишиться. Если пожелаете, я подыщу для вас места в каких-то других...

– Там видно будет, – отрезал Макгрей и вскочил. – Давайте сосредоточимся на разгребании сегодняшнего дерьма,

прежде чем заваливать себя еще каким-то. Мне нужно, чтобы вы собрали для нас досье на леди Гласс.

– Леди Энн?..

– Ага. Все документы, какие найдутся. И помните мои слова о горящей мошонке.

И, покинув кабинет пружинистым шагом, он захлопнул за собой дверь.

Я слегка сконфуженно посмотрел на Тревельяна. А тот лишь откинулся в кресле и произнес два коротких слова – многозначительных донельзя:

– *Удачи вам.*

Я немедленно вышел от Тревелияна и догнал Макгрея, который мчался вниз по лестнице. Он направлялся в полуразрушенный подвал, служивший нам кабинетом.

– Зачем ты попросил у него досье на леди Энн? Ты нашел что-то, чего я?..

– Ох, нет! Я просто должен был оставить за собой последнее слово. Он же, по сути, вышвырнул нас на улицу! Я бы не покинул тот чертов кабинет с униженным видом и поджатым хвостом. В отличие от *тебя*.

В этот момент мы вошли в наше рабочее обиталище – в тот древний подвал, который некогда был частью ныне погребенного под землей тупика Мэри Кинг⁷. Мне открылся вид на горы хлама, осыпающиеся стены, шаткие башни из книг, зловещие амулеты, заговоренные окаменелости, мумифицированных насекомых, высушенных рыбин... и банки с существами настолько отвратительного вида, что даже Макгрей не решался приносить их домой. Мутный формалин, в котором они плавали, подсвечивали тусклые лучи света,

⁷ Подземный квартал под исторической частью Эдинбурга, существующий с начала XVI века, сейчас – туристическое место, обросшее разными городскими легендами. В XVIII веке при строительстве Городских палат часть его переулков и помещений разрушили, часть заложили и превратили в фундамент нового здания. С тупиком Мэри Кинг плотно связаны события пятой книги цикла «Темные искусства».

проникавшие сюда сквозь зарешеченные окна.

Я с тоскою вздохнул. Возможно, это задание будет последним, над которым мне придется работать в этой маленькой сырой дыре, и, как бы ни претило мне это местечко с самого начала, я почувствовал укол ностальгии.

Макгрей, очевидно, торчал здесь с раннего утра и времени даром не терял. Он приколот к стене новую карту размером побольше, на которой пометил логова ведьм и к каждой из этих пометок прикрепил записку. Кроме того, он отобрал лучшие из своих книг по колдовству, травничеству, охоте на ведьм и тому подобной чуши, а также достал материалы по Ланкаширскому делу.

– Что она сказала? – спросил Макгрей.

– Леди Энн?

– Нет, твоя чертова мачеха.

Я опустил на свой жесткий стул, медленно откинулся на спинку и широко улыбнулся – неудивительно, что Макгрей зовет меня любителем рисоваться.

– Она нам поможет.

– Чего?!

– Судя по всему, ведьм она ненавидит сильнее, чем нас. И знает, что те наверняка скоро примутся за ее внучку. Когда я хорошенько ее разозлил, она добровольно сообщила мне массу любопытных фактов.

– Это каких же?

– Для начала можешь напомнить мне о содержании и на-

значении ведьминой бутылки?

Макгрей нахмурился.

– Чего? Зачем это?

– Сделай мне одолжение.

– Это оберег. Кровь главы семьи, моча, погнутые гвозди и особые травы – и все это в бутылке, которую нужно спрятать где-то в доме. Тогда нежеланные гости и злые духи будут обходить его стороной.

Я улыбнулся.

– Когда-то, в Средние века, так и было. Сейчас же это просто очередной шифр. Не все ведьмы были знакомы друг с другом. Найдя в доме предполагаемой жертвы подобную мерзкую бутылку, они понимали, что там живет клиент одной из их товарок, и не беспокоили его. Так и работали эти обереги. То же относится и к красной луковице с сахаром под кроватью. Вот почему леди Энн держит хотя бы по одной бутылке в каждом из домов, которыми владеет.

Меня передернуло. Где-то в моем доме спрятана бутылка, полная крови и мочи. Думать об этом не хотелось.

Макгрей сердито ткнул в меня пальцем.

– Они работают! Иначе зачем, по-твоему, ими пользуются сотни?..

– Что же касается поистине насущных вопросов, – перебил я его, – леди Энн не в курсе, где находится мисс Ардгласс. С января та связывалась с бабушкой лишь дважды. Первая весточка пришла из Севильи.

– *Из Севильи!*

– Город такой в Испании.

– Да знаю я, идиот. Я не ожидал, что она так далеко схоронится.

– И правда, далеко. А во второй раз она прислала письмо откуда-то из Баварии.

Макгрей поднял глаза к потолку, бормоча:

– Бавария...

– Область такая в Гер...

– Помолчи, Перси.

Он подошел к своему столу, раскрыл папку с моим отчетом о Ланкаширском деле и вытянул из нее пару страниц.

– У тебя тут написано, что лорд Джоэл провел там немало времени. До того, как женился на матери Кэролайн.

– Это я такое написал? В смысле, он действительно там жил?

– Ага. Еще у тебя написано, что леди Гласс, его мать-стерва, запретила ему жениться на девице, которую он любил. Мы тогда сначала решили, что как раз это и свело его с ума. До того, как обнаружили ведьм. – Он метнул мне папку. – Так тут и написано твоей, черт подери, рукой. О, и когда Кэролайн родилась, а мать ее умерла, Джоэл увез дочурку в Баварию. Они провели там немало времени – это, конечно, было до того, как он рассудка лишился. Я вот что думаю: наверняка она туда не просто так вернулась.

Я сдвинул брови.

– Макгрей, не ищи двойное дно там, где его нет. Если мисс Ардгласс хорошо знакома с теми местами, то вполне логично, что она решила укрыться именно там.

Макгрей в ответ лишь недоверчиво поцокал языком.

Я закрыл папку и бросил ее обратно на стол Макгрея.

– Она все-таки за границей, – сказал я, – так что ведьмы в ближайшее время до нее не доберутся.

– Хорошо. Одной заботой меньше для нас.

– Но самое важное из того, что сообщила леди Энн, – добавил я, – она по-прежнему держит связь со своими людьми в Ланкашире.

Макгрей вылупил глаза.

– Правда? С кем? Где?

– Какие-то мутные типы в Ланкастере, начнем с этого. Те самые, что помогли ей завладеть Кобден-холлом. И у них есть глаза и уши в окрестностях Пендл-хилл.

В кои-то веки Девятипалый был по-настоящему ошарашен.

– Они приглядывают за Кобден-холлом? – пробормотал он.

– Именно. Леди Энн по-прежнему является законной владелицей поместья, несмотря на то что так ничего с ним и не сделала после того, как ведьмы его покинули.

– Опасалась, что они возьмутся за нее и Кэролайн?

– Точно. И по той же самой причине она решила не устраивать на них охоту. Помочь нам она согласилась лишь по-

тому, что прежде ей не представлялось более удачной возможности избавиться от них. Помни, Кэролайн принадлежит тринадцатому колену – она последняя, кого затрагивает проклятие ведьм. Леди Энн, должно быть, опасается, что эта шайка доберется и до нее.

– Ты сказал ей, что тут и королева Вики замешана?

– Нет, но она явно что-то заподозрила.

Макгрей внезапно стал похож на голодную гончую.

– И ее люди могут рассказать нам, куда сбежали эти твари?

– Возможно. Леди Энн сказала мне, что намеренно не задавала подобных вопросов – из соображений собственной безопасности. Но да, сейчас это наша лучшая зацепка.

Макгрей молчал и задумчиво смотрел сквозь меня. Он отошел назад и присел на край своего стола. С отсутствующим видом он поразительно напоминал свою безумную сестру.

– В чем дело? – спросил я.

Он неожиданно досадливо покачал головой.

– Как же меня чертовски бесит, что я, возможно, буду обязан жизнью этой курв...

– Не торопи события. Даже леди Энн признает, что эта зацепка может оказаться бесполезной. Нам остается лишь сидеть и ждать.

– Как долго?

– Ей понадобится пара дней, чтобы собрать сведения. По

понятным причинам она предпочитает не связываться с ними посредством почты или телеграфа.

– Ладно. Но мы ведь не будем просто сидеть сложа руки, правда?

– Это было бы нецелесообразно, учитывая, что премьер-министр и разъяренная королева жаждут нашей крови.

– К слову о мошонколицем, – сказал Макгрей, – как думаешь, что у ведьм на него есть?

– На политика-то? Пф-ф! Бесчисленное количество вариантов – взятки, любовницы, нежеланные отпрыски... И я не уверен, что дело ограничивается только сведениями. У этих женщин, должно быть, есть весомые улики: документы, показания... Бог знает, что еще. В противном случае Солсбери не стал бы тратить на это столько сил и средств. Почему ты спрашиваешь?

Макгрей потер щетину.

– Вообще-то было бы неплохо выяснить, в чем там дело. Ну, знаешь, самим подстраховаться.

– Разумеется, было бы неплохо, но каким образом ты предлагаешь это сделать? Вряд ли компромат будет лежать на прикроватном столике у Солсбери. И сначала нам нужно разыскать шайку ведьм.

– Мадам Катерина может нам помочь.

К счастью, я не успел ничего отпить, иначе оросил бы все в радиусе шести футов.

– Катерина! – взвизгнул я. – Я даю тебе крепкую, надеж-

ную ниточку для расследования, а ты предлагаешь обратиться к цыганке-мошеннице, которая...

– Ох, зачем я вообще трачу время на разговоры с тобой?

Далее последовала перебранка, которая отчасти оправдывала шутки про «престарелую супружескую пару», гулявшие в Городских палатах. Мы умолкли, только когда в дверях кашлянул констебль Макнейр, который, вероятно, уже давно наблюдал за нашей перепалкой.

– Молодец, что зашел, дружище, – сказал ему Макгрей. Он взял со своего стола небольшую стопку надписанных и запечатанных конвертов. – Держи. Проследи, чтобы их немедленно разослали. Но только не с нашим штемпелем. Пусть кто-нибудь из клерков или уборщиков отправит их из почтового отделения.

– Это что еще такое? – осведомился я.

– Я написал всем своим знакомым на черном рынке с просьбой достать для меня разные книги и колдовские артефакты. Те, что добыть можно только у ведьм. Так мы пойдем, в каких областях у них по-прежнему налажено снабжение.

– Хорошая мысль, – сказал я. И тут мы заметили, что Макнейр бледен и сконфужен. Дело было явно не в обсуждении ведьм, поскольку младший офицер к подобному давно привык.

– Что такое, дружище? – спросил у него Макгрей.

– Кто-то подкинул это во двор, – сказал он и протянул нам

смятый клочок бурой оберточной бумаги.

– Это записка? – уточнил я, встав, чтобы взглянуть на послание.

– Ага, – отозвался юный Макнейр. На сложенной вдвое бумажке чудным детским почерком было написано «*Инспектору Десятипалому*».

– Кто это принес? – осведомился я.

– Не знаю, сэры. Это... это было привязано к черной кошке.

Макгрей нахмурился.

– К черной... где она?

– Убежала, как только мы отвязали записку. – Макнейр продемонстрировал нам три глубокие царапины на руке.

Макгрей покачал головой, развернул записку, а я, заглянув ему через плечо, прочел:

Дорогие Десятипалый и мистер Фрей,

Давайте встретимся в оранжерее, что в северо-западном углу Королевского Ботанического сада.

Без свидетелей и немедленно. Буду ждать вас весь день, если потребуется.

Никому ни слова. Фиалка в опасности.

Мы хранили молчание, пока обшарпанный кеб вез нас на север. Редкие мелкие снежинки кружились над городом, и, судя по морозцу, сыпать им предстояло еще долго.

Макгрей всю поездку не сводил глаз с дороги. Он пошевелился лишь тогда, когда мы были уже близки к цели, – проверил, полностью ли заряжен барабан его револьвера. Я последовал его примеру.

Кеб остановился у ворот Ботанического сада. Мы дождались, пока возница отъедет, а затем вошли внутрь, осторожно ступая по замерзшим каменным ступеням.

Сад был совершенно белоснежным, чего и следовало ожидать зимой, лужайки – под растущим покрывалом снега, извилистые дорожки размечены идеально подстриженной тисовой изгородью. Я посещал здешнюю огромную оранжерею в марте прошлого года, когда понял, что невзрачная шотландская весна не принесет мне утешения. То была отчаянная попытка найти место, где можно согреться и побыть в некоем подобии приятной погоды, но оранжерея превзошла мои ожидания и в плане растительного разнообразия, и в том, что касалось божественно теплой атмосферы, которую обеспечивала весьма продуманная конструкция для обогрева – передовая система труб горячего водоснабжения, – нечто подобное я прежде видел только в некоторых

библиотеках Оксфорда.

Оранжерея выглядела все так же: необъятные окна в пол и стеклянные купола так блестели в хилом солнечном свете, что я невольно прищурился.

Мы вошли внутрь, и нас окатило влажным жаром; пьянящий мускусный аромат его – запах мха, земли и покрытых росой цветов – тотчас перенес меня в тропические края. Если бы кому-нибудь удалось воссоздать и заключить этот аромат в бутылку, я стал бы самым счастливым человеком в мире. Увы, возможности сполна насладиться им мне не представилось, ибо глаза мои и уши сразу же принялись искать загадочного отправителя письма.

Единственным звуком здесь было журчание маленького фонтана, доносившееся из зарослей банановых деревьев, папоротников и стрелиций, – весь городской шум отражало толстое стекло.

– *Эу!* – напугав меня, крикнул в пустоту Макгрей, и голос его эхом разнесся по зданию, словно мы были в церкви. – Мы пришли!

Мы подождали. Взгляд мой метался из стороны в сторону, словно я опасался увидеть в этих экзотических джунглях охотящегося тигра.

Тишину нарушил едва различимый шорох одежды. Опять воображение разыгралось, подумал я, но Макгрей вдруг ринулся вперед. Я побежал за ним, но вскоре потерял его из виду в гуще кустарников и узких тропинок.

Я двигался на звук его тяжелой поступи, расталкивая крупные листья и ветви на своем пути. Он громко топал впереди, затем остановился и пророкотал:

– *Какого черта?*

Я припустил на звук его голоса. Лист шириной в три фута загоразживал мне обзор, и, оторвав его, я увидел Макгрея. Он смотрел на худощавую фигуру, с ног до головы одетую в черное.

– *Вы?* – с изумлением воскликнул я, когда глаза мои встретились с глазами доктора Томаса Клоустона.

Глава Эдинбургской лечебницы для душевнобольных, со своею кустистой темной бородой и зеркально гладкой лысиной, стоял, не произнося ни слова.

Как и леди Энн, он, казалось, все больше усыхал с каждой нашей встречи: щеки запали, а в безукоризненно ухоженной бороде наконец появились седые волосы – весьма впечатляюще для человека сорока пяти лет, которого бесконечно преследовали всякие напасти.

Мое изумление молниеносно переросло в понимание, ибо мало существовало на свете людей, столь же глубоко впутанных в связанное с ведьмами дело – осмелюсь исключить из этого числа даже нас с Макгреем.

Примерно восемь лет назад в обстановке строжайшей секретности доктора Клоустона вынудили принять в лечебницу лорда Джоэла. Настроенная сохранить душевное расстройство сына в тайне, леди Энн силой заставила его обойти

строгий шотландский закон о невменяемости. Бедный доктор всегда уверял нас, что действовал исключительно из сочувствия, из убеждения, что в противном случае лорд Джоэл попал бы в какой-нибудь жуткий бедлам, где его лечили бы сомнительных компетенций эскулапы; я, однако, не был в этом до конца уверен. Ни один разумный человек – коим он, несомненно, являлся – не согласился бы на столь убийственную сделку, и он, бесспорно, не раз пожалел о ее последствиях. Мало того, что ведьмы внедрились в его заведение и проработали там семь лет под видом медсестер, ухаживавших за Джоэлом Ардглассом, – он также был навсегда связан клятвой держать все в тайне: он преступил закон, и леди Энн располагала всем необходимым, чтобы разрушить его карьеру.

Я, разумеется, не мог не заподозрить, что он действовал с каким-то скрытым мотивом. Макгрей, однако, не сомневался в докторе ни на йоту. Он был преисполнен благодарности за преданность и заботу, которые Клоустон уже шесть с лишним лет выказывал его сестре.

Мне не терпелось узнать, что он хочет нам сообщить, но ждало меня лишь разочарование. Вопреки всем моим ожиданиям, доктор сам сверлил нас нетерпеливым взглядом.

– Ну и? – требовательно спросил он.

– Ну и – что? – уточнил Макгрей.

Доктор вздохнул.

– Я знал, что это твоих рук дело, Адольфус, но ради чего

все эти фокусы? Ты мог бы просто записку мне прислать.

– Чего? – Макгрей недоверчиво сузил глаза.

– Твоя черная кошка учинила переполох в саду лечебницы. Пациенты пытались поймать ее, и нам пришлось загнать всех их внутрь. У некоторых из-за этого случились припадки ярости, и пострадал санитар.

– Мы не отправляли ч...

– Нам *самим* прислали записку, – вставил я. – Которая тоже была привязана к черной кошке.

Макгрей тем временем достал ее из кармана. У Клоустона глаза полезли на лоб. Он достал свою записку и поднес ее к нашей. Та же бурая оберточная бумага.

– Что в вашей написано? – спросил Макгрей.

Клоустон развернул записку и протянул ее мне. Она была почти идентична нашей:

Дорогой Доктор,

Давайте встретимся в оранжерее, что в северо-западном углу Королевского Ботанического сада.

Без свидетелей и немедленно. Буду ждать вас весь день, если потребуется.

Никому ни слова. Дело касается Фиалки.

– Я не совсем понял, что ты имел в виду, – сказал доктор. – Хотел ли ты *узнать* что-то о сестре или, наоборот, *сообщить*.

– Мы тоже ничего не поняли, – ответил Макгрей, а я протянул доктору нашу записку. – То ли вы – то бишь тот гов-

нюк, что прислал это, – были встревожены из-за Фиалки, то ли угрожали нам.

– Итак, всех нас вызвали сюда, – пробормотал я, задумчиво складывая обрывки бумаги. – И все послания были доставлены... кошками.

Мы понимающе переглянулись. Все мы знали, что ведьмы использовали воронов вместо почтовых голубей, а кошек – в качестве своих вездесущих глаз. Макгрей утверждал, что существа эти были заколдованы, я же считал, что так называемые ведьмы попросту преуспели в дрессировке даже самых непокорных питомцев. Вот почему тот проклятый ворон, вечно восседавший на доме через дорогу от моего окна, всегда меня так раздражал.

Внезапно пульс мой участился.

– Возможно, это ловушка...

Макгрей расчехлил револьвер. Я сделал то же, и мы медленно обошли доктора по кругу, всматриваясь в пышную зелень. Однако ничего, кроме собственных шагов, не услышали.

– Ловушка? – переспросил Клоустон, краска совсем отлила от его лица. – Вы снова выслеживаете ведьм? Они угрожают на... – Доктор сглотнул, не сумев закончить предложение.

– Это никак не касается ни вас, ни лорда Джоэла, – торопливо успокоил его Макгрей, хотя вид у него был до того нервный, будто половина шайки уже добралась до нас. – Вы

не заметили перед нашим приходом ничего странного?

– Нет, – сказал Клоустон и встал аккуратно между мной и Макгреем, дабы быть под защитой. – Когда я пришел, в оранжерее и саду не было ни души.

– Когда приехали мы, все было так же, – добавил я. – Сегодняшняя погода не располагает к прогулкам в парке.

– Присмотри за доктором, – сказал Макгрей и нырнул в заросли. Я опасливо осматривался, пока он шуршал ветвями и ворошил папоротники. Местный жар просочился сквозь мою одежду, и на висках выступил пот. Мне пришлось развязать галстук, и в этот самый момент до нас донесся голос Макгрея:

– *Сюда!*

Я пошел на его голос, доктор последовал за мной, и мы обнаружили Девятипалого в дальнем северном углу оранжереи на корточках возле клумбы. Цветы пестрели желтым, белым и фиолетовым – это были фиалки. Среди них, угнездившись в нежных лепестках, лежал клочок бурой бумаги.

Макгрей потянулся к нему – с некоторой нерешительностью, словно боясь того, что может произойти, когда он коснется записки. Прежде чем взять ее, он повернулся к Клоустону:

– В обоих посланиях упоминают Фиалку... С моей сестрой что-то случилось?

Клоустон помотал головой:

– Насколько мне известно, ничего. До сих пор я получал

только рутинные отчеты из...

– Тсс! – прошипел Макгрей. – Вдруг кто-то подслушивает.

Очень немногим было известно, что Фиалка находится на лечении на Оркнейских островах, откуда был родом Клоустон, и этот факт следовало держать в секрете. Макгрей так или иначе *был* повинен в смерти Осмунды и Маргариты, и он опасался, что уцелевшие ведьмы могут нанести ответный удар. И если они пойдут на это, первой же их мишенью станет Фиалка.

– Мне лишь сообщали, что у нее все хорошо... – снова заговорил доктор. – То бишь перемен в ее состоянии не было... – он кашлянул, – ни к лучшему, ни к худшему.

– Снадобье, которое я послал вам прошлым летом... – начал было Макгрей.

Клоустон сглотнул.

– Чудотворная вода? Ра... разумеется, никакого эффекта от нее не было.

Макгрей явно хотел продолжить расспросы, но тут вмешался я:

– О, умоляю, давайте, ради всего святого, уже прочтем эту треклятую записку!

С этими словами я поднял бумажку и быстро ее развернул. Тот же почерк, совсем другое сообщение:

Маргаритки едут за Фиалкой. Увезите ее в безопасное место, пока не поздно.

Затрудняюсь сказать, как долго мы, потрясенные, стояли

там, уставившись на эти строки. Вероятно, несколько минут.

Макгрей, разумеется, ожил первым.

– Надо ехать к ней! *Сейчас же!*

Он уже развернулся в сторону выхода, но я сумел преградить ему путь.

– Постой, *постой же!* Мы понятия не имеем, кто это прислал. Возможно, это западня – наживка, чтобы ты привел ведьм напрямиком к сестре.

Клоустон испуганно прикрыл ладонями рот.

– Моя клиника... Моим пациентам грозит опасность?

Мы не смогли ему ответить.

– А ты что предлагаешь делать? – спросил у меня Макгрей. – Просто не обращать на это внимание? Ты же знаешь, на что ведьмы способны ради мести!

– Именно поэтому нам нельзя пороть горячку! – Я сделал акцент на последних трех словах. – Для начала нужно выяснить, откуда взялись записки. В чьих интересах было бы?.. – На этих словах я задохнулся и перевел взгляд на доктора: – Это *вы* положили сюда записку?

Бледное лицо Клоустона побагровело.

– Да как вы смеете такое говорить?

– Вам доводилось нарушать закон, – не обинуясь сказал я. – И вы пришли сюда раньше нас.

– Не носи чепуху, Фрей! – вскричал Девятипалый. – С чего бы доктору таким заниматься?

– Многое в нем вызывает у меня вопросы, – резко ответил

я. – Но сейчас...

– Ох, заткнись! Подумай! Допустим, ты прав и... *Маргаритки* устроили западню и ждут, когда я приведу их к Фиалке. О чем это, по-твоему, говорит?

Я понимал, к чему он клонит, но не желал в этом признаваться.

– О том, что им неизвестно, где она, – ответил за меня Клоустон.

– И в таком случае, – добавил Макгрей, – мы можем обратиться туда незамеченными и проверить, все ли у нее в порядке.

Я потер лицо.

– Как именно ты собираешься это проверить? Тебе прекрасно известно, что у этих женщин всюду есть глаза. Все эти вороны и кошки...

– Их заколдова...

– *Даже не думай твердить, что они заколдованы!*

Макгрей зарычал и стиснул кулак. Он еле сдерживался, чтобы не врезать мне.

– Но твое королевское высочество тем не менее согласно с тем, что нам следует избегать воронов и кошек.

– Да, я согласен. Именно их...

– Ладно. Самый быстрый путь к Фиалке – по морю.

Я рассмеялся.

– Ты – и на корабле? С твоей морской болезнью? Да ты же селезенку свою рыбам отдашь еще до того, как мы Ферт-

оф-Форт⁸ покинем.

Макгреев кулак застыл в дюйме от моей челюсти.

– *Дай мне договорить, или, клянусь...*

Я поднял руки вверх и умолк.

– Самый быстрый путь туда – морем, – продолжал он, понизив голос. – Если отплывем ночью, то без огней сможем отойти довольно далеко от берега. Если кто-то попытается сесть нам на хвост, мы легко от них скроемся.

Я поджал губы.

– Ты же не станешь отрицать, что это сработает, – упорствовал Макгрей.

И я действительно не стал. Одинокий корабль в открытом океане, туманном и морозном, вдалеке от берега не отследить даже вездесущим воронам этих женщин.

Я вздохнул:

– Хорошо. Предположим, я согласен с тобой и мы отправимся в путь. Нам потребуется... – я решил не углубляться в детали вслух, – ...нам понадобится немалое количество времени, чтобы сплавить туда и обратно, – времени, которое мы сейчас не можем растрачивать понапрасну с учетом того, что королева Виктория жаждет нашей крови, и всего прочего.

– *Чего жаждет королева?* – переспросил Клоустон.

– Потом расскажем, – ответил Макгрей и повернулся ко мне. В глазах у него снова заплясали огоньки. – Знаешь, я

⁸ Залив Северного моря, устье реки Форт, которая впадает в него с запада. Северные районы современного Эдинбурга выходят прямо к заливу.

тут вот что подумал... поездка к Фиалке вовсе не будет напрасной тратой времени.

– Будь добр, объяснись.

Он выдернул у меня из рук последнюю записку и ткнул в имя.

– Маргарита, – сказал он. – Так звали верховную ведьму. Первой нам о ней сообщила Фиалка. Помнишь?

– Да как такое забудешь? – сказал я.

– А помнишь, откуда она узнала это имя?

– Опять-таки – разве такое забудешь? – повторил я, но с большей горечью в голосе.

В лечебнице для душевнобольных лорд Джоэл и Фиалка занимали соседние палаты в крыле, отведенном для состоятельных пациентов, и разделяла их одна лишь стена. Судя по всему, сыну леди Энн нравилось читать Фиалке вслух – это занятие, похоже, успокаивало обоих, поэтому их общение – всегда под надзором – поощрялось. Единственный раз, когда они ненадолго остались вдвоем, выпал на ту самую ночь, когда лорд Джоэл убил ведьму, выдававшую себя за его сиделку, и сбежал из лечебницы. А еще той ночью в первый и последний раз за все время, проведенное в лечебнице, Фиалка разговаривала. С Джоэлом Ардглассом.

– Вдруг она слышала что-то еще? – предположил Макгрей, прекрасно зная, в какую сторону движутся мои мысли. – Что, если тот говнюк Ардгласс не только назвал имя, но рассказал ей куда больше? Фиалка могла бы нам помочь!

Мы с Клоустоном опасливо переглянулись. В голосе Макгрея звенело хорошо знакомое нам отчаяние.

– На этот довод у меня есть два возражения, – ответил я со всей возможной деликатностью. – Во-первых, неужели ты забыл, что случилось, когда ты в последний раз навещал Фиалку?

Я не вкладывал в свои слова упрек, но именно он в них и прозвучал, и Девятипалый потупился. Во время того самого визита Фиалка сумела сбежать от больничных надзирателей и добралась до ближайшей отмели. Если бы ее нашли чуть позже, она могла бы утонуть.

Мы с Клоустоном подозревали, что состояние Фиалки ухудшило само присутствие Макгрея – брат служил неизменным напоминанием о ее прошлом... о ее преступлении.

– Второе мое возражение, – продолжал я – Макгрей так и не поднял глаз, – увы, касается состояния твоей сестры.

– *Ох, Фрей!*

– Ты сам видел, как это дело на нее повлияло. Это дело – та самая причина, по которой доктору Клоустону пришлось услатить ее подальше. Даже будь она способна говорить, – Макгрей вздрогнул. – Неужели тебе так хочется явиться туда и снова мучить ее расспросами?

Он вперил в меня подозрительно напряженный взгляд:

– Возможно... это следует сделать тебе.

У меня просто челюсть отвисла.

– Сделать что?

– Ты мог бы ее допросить.

Я отвел взгляд.

– Господь всемогущий!

– Мы ведь этого еще не пробовали, – напирал Девятипальный. – Мне стоило разрешить тебе допросить ее еще тогда, а не давить на нее самому. В последние месяцы я не раз об этом думал.

Я понял, что мне не обойтись без подкрепления.

– Доктор Клоустон не даст на это добро, – заявил я и обратился к нему: – Скажите ему, доктор.

Я ожидал немедленной поддержки, ибо наш добрый доктор всегда быстро отметал и куда более сумасбродные идеи Макгрея. К моему огорчению, Клоустон крепко задумался.

Когда он повернулся ко мне, лицо его выражало нечто очень странное. Не могу точно это описать, но было ясно одно – его раздирали противоречия.

– Возможно, это... не худшая мысль.

Челюсть моя с грохотом рухнула на пол.

– *Не худшая!* Вы что, тоже умом тронулись?

Он посерьезнел так, что я испугался.

– Адольфус прав. Нам известны всего два случая, когда Эми вступала в общение. Впервые – в присутствии лорда Джоэла...

Я спрятал лицо в ладонях, подозревая, к чему клонит доктор.

– А второй раз – в присутствии *вас*, инспектор Фрей. Я

сам был тому свидетелем.

Они смотрели на меня так, будто я внезапно обратился в святой Грааль.

– Хотите сказать, что мисс Макгрей лучше реагирует... на незнакомцев?

– Именно, – подтвердил Клоустон. – Мы – и я имею в виду нас с Адольфусом и весь персонал лечебницы, – возможно, вызываем у нее слишком сильное волнение. – Он заметил, что Макгрей насупился. – Вопреки нашим лучшим побуждениям, разумеется.

– Брат, которого она покалечила, – процедил я сквозь зубы. – И ее... *надзиратели*.

Я прикусил язык, едва не признав вслух, что логика в этой теории все же есть.

Макгрей скрестил руки на груди.

– Не думай, что *меня* это не страшит, Перси; оставить сестру наедине с грязным англичашкой...

– *Наедине?!* – возопил я, залившись краской.

– Иначе никак, – сказал Клоустон. – Крайне важно, чтобы она не знала о нашем присутствии.

– Нашем? – переспросил я.

– Конечно, инспектор. Неужели вы думаете, что я позволю вам поставить этот маленький эксперимент, не будучи рядом? Если едете вы, то еду и я.

Я в изнеможении застонал.

– Макгрей, наше время сейчас на вес золота. Нам даже

обсуждать это все не следует. Нужно вернуться на работу и...

– И что? – вскинулся Макгрей. – Ждать? Мои знакомые ответят мне не раньше, чем через пару дней, да и леди Гласс тебе сказала, что ей тоже нужно время, чтобы добыть для нас сведения. – На этих словах Клоустон тревожно встрепенулся. – Речь не о вас, доктор, не волнуйтесь. Но Перси тоже прав, времени у нас на грош. Если вы едете с нами, то будьте готовы отправиться сегодня же ночью.

– *Сегодня же?* – хором возмутились мы с Клоустоном.

– Да, – ответил Макгрей. Он вложил записку в мою ладонь и развернулся к выходу. – Так что я пойду подыщу для нас транспорт. А ты, Фрей, ступай домой и упакуй свои тиары.

Он ушел, прежде чем я успел возразить. Клоустон заметил, как я разъярен, и примирительно коснулся моего плеча.

– В его задумке, – шепнул он мне на ухо, – есть зерно здравого смысла, инспектор. С учетом всех обстоятельств.

В ответ на это я лишь фыркнул.

– Здравый смысл! Как вы можете так говорить? Почему вы с такой готовностью поддержали этот нелепый план?

Клоустон опустил взгляд. Лицо его по неведомой мне причине источало вину.

ДНЕВНИК – 1827

17 октября. [...] Во Флоренции у меня помутилось

зрение. [...] Каждый глаз видел свое. [...] Мне дважды прикладывали к вискам пиявок – дали слабительное; Один раз вырвало, и дважды мне делали кровопускание из руки. [...]

Стала проявляться новая болезнь: с каждым днем силы постепенно покидают меня. [...] В Копчике и Промежности ощущается тупое онемение и утрата чувствительности. [...]

По прошествии времени, где-то 4 декабря, ноги мои совсем лишились силы, и дважды за один день мне случилось упасть на пол. [...] Мне пришлось оставаться на полу, пока не пришел мой Слуга и не поднял меня.

Поскольку в средствах мы были не ограничены, Макгрей нанял частный пароход, которому предстояло доставить нас из порта Лит напрямиком на Оркнейские острова.

Я отправился домой, чтобы забрать багаж – Лейтон держал чемоданы для меня наготове, – а затем приехал к Деятипалому на Морэй-плейс, где сытно отобедал. Последним прибыл доктор Клоустон. Следуя совету Макгрея, он присоединился к нам уже после захода солнца, благодаря чему также успел до отъезда уладить все дела в лечебнице.

Снег шел весь день, тихо, но непрерывно, так что улицы утопали в белизне. Дороги рядом с портом Лит, по которым безостановочно разъезжали телеги и экипажи, представляли собой липкую темную жижу.

– Сюда, – сказал Макгрей, указав на пирс справа от нас в тот самый миг, когда возница натянул поводья.

В тусклом свете фонарей я различил очертания небольшого, однако весьма аккуратного колесного пароходика, корпус которого блестел свежим слоем темно-зеленой краски. Из высокой трубы его уже всюду валил дым, двигатель жужжал уверенно и ритмично, а из маленьких иллюминаторов лился теплый свет.

Я собрался выразить благодарность Макгрею (сколь бы мучительно это для меня ни было), но тут заметил, что по

сходням идут трое мужчин. Одним из них был невысокий толстяк с копной седых волос; кожа на его лице казалась дубленой – такой не встретишь и на старом башмаке, – судя по всему, это и был наш капитан. Других двоих – плечистых здоровяков – я опознал сразу же, несмотря на шляпы и длинные плащи.

Мы вышли из экипажа и зашагали к этой троице, пока возница выгружал наши чемоданы. Соленый бриз бросал в нас мелкие снежинки, пароход тихонько покачивался на мягких волнах. Совершенно неподходящий фон для нашей напряженной сходимки.

– И куда это вы собрались? – осведомился знакомый голос Шефа. Между котелком и поднятым воротником плаща виднелись лишь его глаза, брови и подкрученные кончики усов.

– Не твое собачье дело, – огрызнулся Девятипалый.

Соратник Шефа шагнул в нашу сторону с угрожающим видом. Немолодой капитан – густая щетка его усов покрылась инеем – поднял ладонь.

– Притормозите-ка! – Говор у него был еще раскатистее, чем у Макгрея. – Думаю, парни сами объяснят, что к чему.

– Это касается нашего расследования, – ответил я, прежде чем Девятипалый успел изрыгнуть еще какую-нибудь гадость.

– Вам было приказано уведомлять нас о любых своих перемещениях, – сказал Шеф. – А не удирать посреди ночи, как жалкие крысы, которые бегут с тонущего корабля.

Мы... – Он вытащил из нагрудного кармана револьвер и указал им на возницу кеба. – *Эй ты! Проваливай отсюда!*

Парень побелел. Все это время он изображал, будто стирает пыль с наших чемоданов.

Макгрей сунул ему несколько монет.

– Поспеши, если жизнь дорога.

Тому хватило здравомыслия послушаться, и спустя миг кеба и след простыл.

– Спрошу еще раз. Куда вы собрались? Капитан Джонс говорит, что вы велели ему хорошенько запастись углем.

И снова первым заговорил я – с точно выверенной ноткой вызова в голосе:

– По понятным причинам этого мы вам сообщить не можем. Отправляйтесь с нами, если иначе никак, но мы не раскроем вам место назначения, пока этот пароход не отойдет от берега.

Собственно говоря, мы рассчитывали на то, что они поедут с нами. Мы все еще не знали, кто отправил нам те сообщения и зачем. Весьма вероятно, что впереди нас ждала западня, и в таком случае присутствие людей Солсбери могло лишь сыграть нам на руку.

Шеф немного помолчал, погрузившись в раздумья, – хотя сделано это было исключительно для того, чтобы утвердить авторитет. В конце концов он отошел в сторону.

– Я позволю вам сесть на этот корабль. Но не сомневайтесь, мы будем за вами приглядывать.

Капитан Джонс свистнул, и мелкий юнга примчался, чтобы забрать наш багаж. Шеф и его подручный – буду звать его Бобом – дождались, пока мы взойдем на борт, а затем поднялись сами.

– *Черт...* – буркнул Макгрей, едва ступив на натертую палубу. Мне показалось или в ту же секунду лицо его позеленело? Шеф и Боб, переглянувшись, гоготнули.

Клоустон взял Макгрея под руку.

– Пойдем, дам тебе кое-что от тошноты.

Я проследовал за капитаном в кают-компанию. Пока я спускался вниз, мне почудилось, что где-то вдалеке каркнул ворон.

Я велел капитану Джонсу держать курс на восток, пока береговые огни не пропадут из виду, а когда это случится, обратиться ко мне за дальнейшими указаниями. До того момента называть наш пункт назначения я не стану. Шефу это не понравилось, о чем он сообщил мне в крайне резких выражениях.

Не будучи расположенным долее находиться в компании людей Солсбери, я направился в собственную каюту, которая оказалась куда опрятнее, чем я ожидал. Благодаря полированному дереву, бронзовой оковке, небольшому письменному столику и узкой, но весьма уютной койке эта комнатка являла собой уголок покоя и безмятежности. Я горько пожалел, что воспользоваться ею мне довелось в таких неприят-

ных обстоятельствах.

Я пролежал в койке весь следующий час, хотя уснуть так и не смог, а затем ко мне постучался капитан Джонс, пришедший за указаниями. Позади него стоял Шеф.

И даже тогда, глубокой ночью и в нескольких милях от берега, я не сумел заставить себя назвать место, куда мы следовали. Меня охватила паранойя. Я достал записную книжку и нацарапал в ней «Керкуолл, Оркн. о-ва».

– Есть, – сказал капитан Джонс. Он ушел, но Шеф остался и, глядя на меня с издевкой, зажег тонкую сигарету.

– Вы плохо слышите? – огрызнулся я. – Можете идти.

Он исчез в темном коридоре, усмехнувшись перед этим самым раздражающим образом.

Я лег в кровать, надеясь уснуть, но любой отдых теперь казался бесполезной тратой ценного времени, которого у нас оставалось все меньше и меньше. Вполне возможно, что этой самой поездкой мы лишь приблизим собственную смерть. Вскоре я представил себе, как лежу на гильотине лицом вверх и смотрю, как лезвие медленно опускается вниз, с каждой секундой все ближе подползая к моей нежной шее.

При этой мысли меня кольнуло страхом, и я резко сел. Я знал, что после такого уже вряд ли усну, поэтому решил использовать время с умом. Я схватил фляжку, записную книжку, три смятые записки и отправился в уютную кают-компанию. К счастью, ни Шефа, ни Боба там не было.

Я сел за узкий стол и плеснул себе спиртного в один из

прилагавшихся к фляжке стаканчиков. Сделав заслуженный глоток, я разгладил на столе записки и принялся их рассматривать.

Все три представляли собой клочки бурой оберточной бумаги, небрежно оторванные от большого листа. Я вертел записки и так и сяк и заметил, что верхний край одной из них идеально совпадает с левым краем другой. Я стал по-всякому прикладывать к ним третью записку, пока не обнаружил, что один из ее краев тоже укладывается в эту головоломку. Значит, все они были оторваны от одного листа приблизительно в одно и то же время. Я перевернул их, дабы осмотреть с обратной стороны. Наружная сторона у всех записок была светлее: эта бумага уже явно была в употреблении, в нее что-то заворачивали и, вероятно, даже пересылали обычной почтой. Возможно ли, что эти сообщения в тот момент уже присутствовали на изнаночной стороне обертки? Если так, то их могли прислать издалека. К примеру, из логова ведьм?

Я взял записки и поднес их поближе к настенному светильнику. Некоторые фабрики все еще помечали свою оберточную бумагу водяными знаками. Я держал бумажки в каком-то дюйме от рожка, изучая их вдоль и поперек, каждую складочку и волокно. Стоя так, я ощутил, что корабль постоянно качает, и вмиг понял, отчего Макгрею было так плохо.

И в этот момент я разглядел – или мне так показалось – очертания оттиска. Изогнутая линия на самом краю записки, доставшейся Клоустону. Походило на почтовый штемпель,

но ужасно бледный. Словно чернила просочились сквозь бумажный ярлык сверху, на котором, собственно, штампель и...

– Инспектор!

Я подскочил от испуга, врезался головой в низкий потолок и зарычал от досады. Развернувшись – из глаз все еще сыпались искры, – я увидел в дверях стройную фигуру Клоустона, наблюдавшего за мной.

– О, инспектор, приношу свои извинения! Я вас напугал? Потирая ушибленную голову, я сел.

– Излишний вопрос...

– Верно, – сказал он, нервно улыбаясь. – Простите меня. У меня не получилось уснуть. Я оставлю вас, если вы нуждаетесь в уединении.

Тон у него был пристыженный, и я вспомнил, как обвинил его в оранжерее. Я спрятал записки в нагрудный карман и решил, что нам следует помириться.

– Все в порядке, доктор. Прошу, садитесь. – Клоустон сел, вид у него был по-прежнему нервозный. – Как там наш... друг? – спросил я.

– Крепко спит, – сказал он и поставил на стол маленький бутылек с лауданумом⁹. – Хотите? Крошечные дозы безвредны и весьма благотворны для нервов.

Я воочию наблюдал, к чему приводит пристрастие к ла-

⁹ Опиумная настойка на спирте. В XIX веке широко использовалась в качестве снотворного и успокоительного средства.

удануму, и поклялся, что *никогда* не стану полагаться на подобные средства ради того, чтобы сохранить самообладание. Я взялся за свой виски.

– Этого лекарства мне вполне достаточно, – сказал я и поднял стаканчик. – Желаете угоститься?

Клоустон поворошил бороду.

– Давно отказался от этого дела... но в сложившейся ситуации уместно и некоторое послабление...

– Да уж, – сказал я и протянул ему еще один стаканчик, наполненный до краев. Мы подняли тост, и я заметил, что рука доктора немного дрожит. Он опустошил полстакана одним глотком. – Вы в порядке, доктор?

Он, заметно уставший, тяжело вздохнул.

– Я... переживаю.

– За мисс Макгрей?

Он ответил не сразу – некоторое время молча разглядывал свой стаканчик и игру света на его серебристом ободе.

– Обычно стараешься не привязываться к пациентам... – шепотом сказал он. – Но...

– Подобное не может не волновать – иначе вы не были бы человеком, – сказал я, вспомнив кошмары по мотивам некоторых из недавних моих дел, которые все еще донимали меня¹⁰. – Я знаю, что вы были другом семьи Макгреев еще до того... несчастья.

¹⁰ Фрей имеет в виду трагические события четвертой книги цикла «Озеро мертвых».

– Верно, – сказал он и, печально вздохнув, допил и робко подвинул стаканчик в мою сторону, чтобы я снова его наполнил.

– Как вы с ними познакомились? – спросил я, наливая ему виски. – Возможно, мои выводы поспешны, но вы не производите на меня впечатления человека из привычного круга общения покойного мистера Макгрея.

– Вы абсолютно правы. Он владел земельными угодьями и винокурнями, я же всегда был человеком науки. Нас свел случай.

– Какой же?

– Я лечил мужчину... который был как-то с ним связан. Джентльмена из Нового города, который поддерживал лечебницу средствами – в обмен на мои услуги и конфиденциальность. Как-то раз он устроил у себя в доме большой званый вечер. Тогда-то я и познакомился с покойным Джеймсом Макгреем.

– Отец Макгрея – на светском мероприятии?

Клоустон горько усмехнулся.

– Тогда он в первый и последний раз посетил званый вечер в Новом городе. Человеком он был, скажем так, *грубой выделки*.

– Каков отец, таков и сын?

Клоустон покачал головой.

– Материнское воспитание несколько сгладило острые углы Адольфуса.

– Боже!

– Но покойный мистер Макгрей был хорошим человеком. Жестким в том, что касалось дел, вспыльчивым, и в выражениях он не стеснялся – да; но воля у него была нестигаемая, он был верен друзьям и предан своей семье.

Прямо как Деятпальй, подумал я. Бедный доктор совсем приуныл. Он сам потянулся к фляжке и налил себе еще порцию.

– Он не заслужил ни такой смерти, – пробормотал он, – ни презрения, с которым к нему относились. – Клоустон сделал еще глоток. – Лучшим шансом для семейства попасть в приличное общество была мисс Макгрей. Она была невероятно мила и искренне любила все то, что положено любить благородным леди, – пение, танцы, живопись, верховую езду... И – что ж, вы сами ее видели. Она весьма прелестна.

От того, как он это произнес, на щеках моих выступил румянец. Похоже, виски уже ударил ему в голову.

– Я не раз слышал, как мужчины в «Нью-клубе» шепотом обсуждали ее привлекательность, а леди отмечали, что семейству очень повезет, если в мужа ей достанется уважаемый человек.

Он погрузился в воспоминания, и взгляд его потеплел, но затем он посмотрел на свой стакан, и лицо его снова помрачнело.

– Увы, этому уже не бывать.

Эти слова повисли в воздухе, смешавшись с неумолчным

рокотом двигателя и редкими всплесками волн.

Клоустон заморгал и внезапно вскочил с места, будто его ужалили.

– Вот ведь я, – сказал он, нервно улыбаясь, – только и делаю, что зубы вам заговариваю. Вам же явно есть чем заняться.

Прежде чем я успел что-либо ответить, он ушел, словно устыдившись всего того, что только что мне рассказал.

Я уставился на качающуюся дверь, думая о том, что стоило бы расспросить его подробнее. Наш добрый доктор, похоже, был полон секретов.

Несмотря на все волнения и крутившиеся в голове вопросы, я был до того изнурен, что уснул ровно в ту секунду, когда голова моя коснулась жесткой подушки. Снилось мне, однако, нечто чудовищное; предо мной явилась уродливая Червонная Королева из «Алисы в Стране чудес» – столь же гротескного вида, какой я воображал ее в детстве, когда читал эту книгу. Она держала руку на рычаге гильотины, а я лежал под сверкающим лезвием.

К счастью, меня разбудила усилившаяся качка. Карманные часы показывали пять минут шестого утра, так что пытаться уснуть более не имело смысла. Я ополоснул лицо, оделся и направился в кают-компанию. Капитан Джонс уже был там, курил сигарету и разогревал внушительного вида кофейник. Для человека, всю ночь простоявшего у штурва-

ла, вид у него был поразительно свежий.

– Доброго утречка, сэр, – бодро приветствовал он меня своим рокочущим акцентом. – Причалим в Керкуолле через несколько минут – к вашей радости.

– Воистину. Никаких внезапностей не было за время пути?

– Вне-чего?

– Странностей. Чего-то подозрительного.

– А-а! Ох, нет. Ничего-то, кроме черной пелены неба. Кофе? – предложил он и, не дожидаясь ответа, поставил на стол оловянную кружку. Из вежливости я пригубил напиток, но кофе оказался крепчайшим, самым вкусным из всех, что мне доводилось пробовать в жизни.

– Нам повезло, – сказал Джонс. – Море было непривычно спокойным для этого времени года.

– Мой коллега с вами не согласится.

– Да уж, вот бедняга. Я такого тяжелого случая много лет не видал!

– Могли бы вы повторить это разок-другой, когда он проснется?

Капитан бесстыже гоготнул. Я чуть не сказал ему, что, в общем-то, не шучу, но тут в кают-компанию ворвался мальчишка, который заносил наш багаж. Лицо, руки и одежда его были вымазаны в саже – ночь он явно провел, подкармливая двигатель.

– Кэп! Идите гляньте, что там! Быстрей!

За ним появился Шеф.

– И вы, инспектор, – сказал он. Впервые вид у него был встревоженный.

Я сделал большой глоток отличного кофе и поплелся за ними. Мне пришлось ухватиться за перила лестницы, ибо волны усилились. Морской воздух, ледяной и соленый, бросился мне в лицо, темное небо было затянуто тучами. Солнце еще не встало, поэтому мне казалось, что я заблудился в каком-то подземном тоннеле.

– Вон! – крикнул мальчишка. Он и двое моряков указывали на нос корабля. Шеф с Бобом побежали в ту сторону, и я как мог поспешил за ними. Палуба была мокрой, и корабль качало все сильнее и сильнее. Пока я проделывал путь к носу, корабль дал мощный крен и почти лег на борт, отчего меня бросило к фальшборту. Я ударился животом о перила, половина туловища моего свесилась за борт парохода, волны пенились в каких-то дюймах от моего лица.

Я вцепился в фальшборт, дожидаясь, пока корабль качнется в обратную сторону, и тут до нас донесся полный отчаяния возглас Боба:

– *Иисусе!*

Я посмотрел вперед, и у меня сердце оборвалось.

Мы были в полумиле от берега, огни домов Керкуолла усеивали бухту, словно звездочки. Но одна из них выделялась, сияла ярче и выше остальных, располагаясь, вероятно, на колокольне собора. Сияла изумрудным цветом.

В голове моей всколыхнулись неприятные воспоминания. Мне уже доводилось видеть этот оттенок зеленого. И чувствовать, как это пламя прожигает мою одежду насквозь и плавит кожу. Окрашенное и подпитываемое смесью масел, смолы и металлической стружки, оно было сигналом, который ведьмы использовали, чтобы призывать своих товарок на помощь... или бойню.

Так и не отцепившись от фальшборта, я заковылял к носу корабля, словно зачарованный изумрудным сиянием. Пароход быстро шел в ту сторону, направляясь точно к источнику света, и на один головокружительный миг мне показалось, что мы вот-вот провалимся в него.

Я все еще стоял, тяжело дыша и не сводя с пламени взгляд, когда за спиной у меня раздался голос Макгрея:

– *Какого черт тут тво...*

Он замолк. Я оглянулся – он шел с поддержкой капитана Джонса, шагавшего уверенной походкой бывалого моряка. Черты Макгрея я смог разобрать, лишь когда они с Джонсом достигли меня. В жизни не видел его таким бледным.

– Вот дерьмо... – прошептал он – в глазах его отражалось зеленое пламя. – Они нас выследили?

– Нет, – ответил я. – Они прибыли сюда первыми. И одному Богу известно, как долго они уже здесь.

Мы высадились на берег через несколько минут, которых нам как раз хватило, чтобы забрать из кают пальто и оружие. Мальчишки из машинного отделения вынесли на палубу три ручных фонаря, мы с Шефом и Макгреем взяли по одному и помчались вниз по сходням. Столпившиеся на пирсе рыбаки, моряки и прочие ранние пташки показывали на пылающую колокольню – их испуганные крики заполняли ледяной воздух.

Макгрея, которого все еще пошатывало, занесло в мою сторону.

– Мы проведем Фиалку, – бросил он и посмотрел на собор. – А ты иди разберись с этим огнем. Если ведьмы все еще там, останови их!

Я хотел было поинтересоваться, каким, черт возьми, образом должен это осуществить, но он уже унесся к стоявшей у пирса телеге, а доктор Клоустон побежал за ним. Шеф кивнул Бобу, и тот рванул вслед за ними. Макгрей быстро *убедил* ошарашенного возницу отвезти их в клинику Клоустона, и они умчали прочь под продолжающимся снегопадом.

– Что, во имя Господа, тут творится? – сказал капитан Джонс, который стоял позади меня и не сводил глаз с зеленого пламени.

– Дорогу туда знаете? – спросил я у него.

– В собор Святого Магнуса – да, но...

– Вперед, – отрезал я, вытолкнув коротышку на дорогу.

– Погодите вы! Я не могу идти без... – один из мальчишек поднес ему заряженный «дерринджер»¹¹, – ладно, теперь могу.

Мы покинули гавань и побежали по узенькой улочке, засыпанной толстым слоем снега. Джонс вскоре свернул направо и вывел нас на главную, судя по виду, улицу в городке. Мы бежали мимо лавок и таверн, сплошь закрытых – за исключением пекарни, возле которой стояли две дородные женщины с лопатами. Они прекратили разгребать снег и с ужасом глазели в сторону собора, который отсюда виден не был.

– *Горит!* – прокричала юная девица, подбежавшая к ним. Когда мы промчались мимо них, женщины, увидев наши револьверы, дружно ахнули.

Улица вывела нас на длинную эспланаду – справа безошибочно угадывались здания городской управы, слева темнело кладбище, окружавшее храм. Фасады, надгробия, снег – все было в зареве изумрудного пламени.

Мы на бегу оглядели колокольню. Верхушка ее все еще была в огне, хотя тот уже явно пошел на убыль. Мы пересекли кладбище, где собрались люди всех возрастов: одни подносили ведра, другие зачерпывали ими снег.

Увидев нас, бегущих со всех ног с оружием наголо,

¹¹ Компактный пистолет, названный по имени своего изобретателя Генри Дерринджера, популярное в XIX веке оружие самообороны.

они инстинктивно расступились, и сквозь затейливого вида арочный проем мы вбежали в безлюдный собор.

В длинном нефе, казалось, было холоднее, чем на улице. Я притормозил и, выставив револьвер перед собой, осмотрелся. Шеф и Джонс последовали моему примеру. Со стороны колокольни выскочили двое мужчин с пустыми ведрами и, увидев нас, застыли на месте.

– *Вон!* – рявкнул на них Шеф – с револьвером в руке и налитыми кровью глазами, – и те беспрекословно повиновались.

Дыхание мое было частым, сердце билось как бешеное. Я повел фонарем из стороны в сторону. Готические колонны поднимались к сводчатому потолку, за каждой из них лежала непроницаемая тьма. Свет исходил лишь от пары алтарных канделябров, да зеленое сияние просачивалось внутрь сквозь витражные окна. Любой островок темноты мог кого-то скрывать.

Я осветил на правую часть нефа. Шеф, не нуждавшийся в подсказках, направил свет на левую часть, и мы медленно двинулись вперед по проходу между скамьями. Капитан Джонс шел вплотную за нами и нервно озирался по сторонам. Хождение по твердой земле давалось ему нелегко.

Мы прошли половину нефа, наши шаги гулко отдавались в пустом помещении. И вдруг среди их отзвуков я различил чье-то тихое дыхание. Я посмотрел на Шефа и капитана Джонса. Грудь у обоих вздымалась и опадала, но не в такт

этому звуку.

Я остановился – намеренно резко, – и оба посмотрели на меня.

Тихо, произнес я одними губами, и все мы наострили уши.

Вдалеке шумела улица – я слышал приглушенные крики и ропот; сердце бухало у меня в ушах, по виску сбежала капля пота.

И тут я снова услышал тот звук – тихий, как и прежде, но в полной тишине куда более отчетливый – резкий вдох человека, который пытался затаить дыхание.

Однако в гулких просторах нефа понять, откуда он прозвучал, было невозможно.

Я водил фонарем от колонны к колонне. Сердце у меня ушло в пятки, когда я увидел коленопреклоненную женщину, что молилась подле солнечных часов и наводившего жуть черепа.

Это просто надгробие, успокоил я себя, разглядывая пугающий монумент, высеченный в стене. Казалось, что пустые глазницы черепа смотрят на нас с издевкой.

И тут что-то шевельнулось.

Быстрая тень мелькнула рядом с черепом и нырнула в укрытие...

– *Стоять!* – взревел Шеф и бросился к боковому проходу, скрытому за рядом колонн. Я рванул следом за ним, а за мной – и капитан Джонс. Свет наших фонарей метался по

розовому граниту, тени раскачивались, словно темное белье на ветру. Шеф что-то заметил и направил фонарь в ту сторону.

– *Стоять!* – повторил он, и впереди, между изъеденных временем камней, я различил чью-то фигуру. То были не тени – настоящий плащ с капюшоном, чернее ночи, трепыхался на бегу, как языки пламени.

Мы уже почти нагнали ту фигуру, но внезапно прямо передо мной Шеф рухнул вбок – его туловище отлетело к центральному проходу, будто его сбила с ног и утащила мощная волна. Фонарь его покатился по каменным плитам и погас, и я успел заметить лишь высокий силуэт того, кто нанес ему удар.

Я осветил в ту сторону и увидел человека великаньего роста, который стоял, прислонившись к стене. Он возник из тьмы словно гаргуля – бледный как смерть, с дьявольской ухмылкой, – да так близко, что я различил его щербатые зубы и извилистые шипастые татуировки, которыми была покрыта его безволосая голова.

Я не успел издать ни звука – громила схватил меня за шею и оторвал от земли. Задыхаясь и дергаясь, я выронил фонарь и ткнул револьвером ему в живот. Его крепкая ладонь сжала мое запястье и выкрутила мне руку так, что я испугался, не сломаются ли суставы. На одну ужасную секунду я подумал, что он разорвет меня, как тряпичную куклу.

В этот момент раздался выстрел. Громила взвыл от боли,

кровь его оросила мое лицо, и он отбросил меня в сторону, как дохлую рыбину. Перед тем как повалиться на пол, я задел кого-то – судя по кряхтению, это был капитан Джонс. В соборе стало темно, как в подземелье, и вокруг раздавался лихорадочный топот бог знает скольких ног.

Я нащупал на полу свой револьвер. Фонарь мой разбился, но фитиль его все еще тлел, словно затухающий уголек. Я схватил фонарь и вскочил, где-то за спиной у меня ковылял пожилой капитан со своим «дерринджером».

Я попытался осветить вперед, но разобрал лишь силуэт Шефа, который стрелой мчался к алтарю. Мы поспешили за ним и услышали бряцание металла.

– В крипты! – не оглядываясь, крикнул Шеф и тоже растворился в темноте.

Света моего хилого фонаря хватало лишь на пару ярдов. Спустя миг впереди блеснула бронзовая решетка – приоткрытые воротца, а за ними – непроницаемая тьма.

Едва различая поистершиеся за сотни лет каменные ступени, я торопливо – насколько позволял слабый свет – стал спускаться вниз. Капитан Джонс не отставал и громко сопел у меня за спиной. Мне пришлось шикнуть на него, когда мы достигли подземелья.

Внизу стояла мертвая тишина, затхлый воздух пах сыростью. Я поднял фонарь повыше – в полной темноте его свет казался ярче.

Перед нами было два ряда гробниц с грубо высеченны-

ми усопшими, руки которых были сложены в молитвенном жесте. Я повертел головой – чтобы не пропустить еще один удар громылы сбоку. Ни души. Я снова взгляделся вдаль, но не увидел даже Шефа.

Я напряг зрение и сделал осторожный шаг вперед, будто шел по очень тонкому льду. Я затылком чуял, что они здесь, притаились во тьме где-то за гробницами и готовятся напасть. До чего жуткой была та заминка в окружении пыльных могил.

Медленно, чувствуя, как звенит каждая мышца, я присел. Опустил фонарь на пыльный каменный пол и положил его набок. Точно рассчитанным движением я толкнул его, и он покотился вперед, к центру крипты. В полной тишине дребезжание лампы казалось оглушительным.

Очертания гробниц выплыли из темноты, когда мимо них прокатился фонарь, – они проступили в его сиянии и снова пропали. Фонарь миновал первый ряд гробниц – никого, второй...

Свирепый рев огласил крипту, и высокий незнакомец поднялся из своего укрытия, словно бурый медведь. Он бросился, но не на меня, а куда-то влево, расставив руки как клешни. Я сразу же нацелил револьвер вниз, на его подсвеченные фонарем дюжие ноги, и выстрелил.

Пуля лишь задела его. Он, словно невредимый, продолжал наносить удары, и бешеная схватка продолжалась. Я видел мелькающие руки и ноги, молотившие противника, слы-

шал, как чертыхается Шеф и рычит громила. Я метнулся в их сторону, чтобы прийти на помощь первому, но тут из-за следующего ряда гробниц поднялась еще одна тень и припустила куда-то в темноту. Я следовал по пятам за ее плащом, спустя несколько шагов – уже вслепую. Я потянулся вперед и схватил плащ, но тут меня резко дернули за ногу, и я рухнул вперед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.